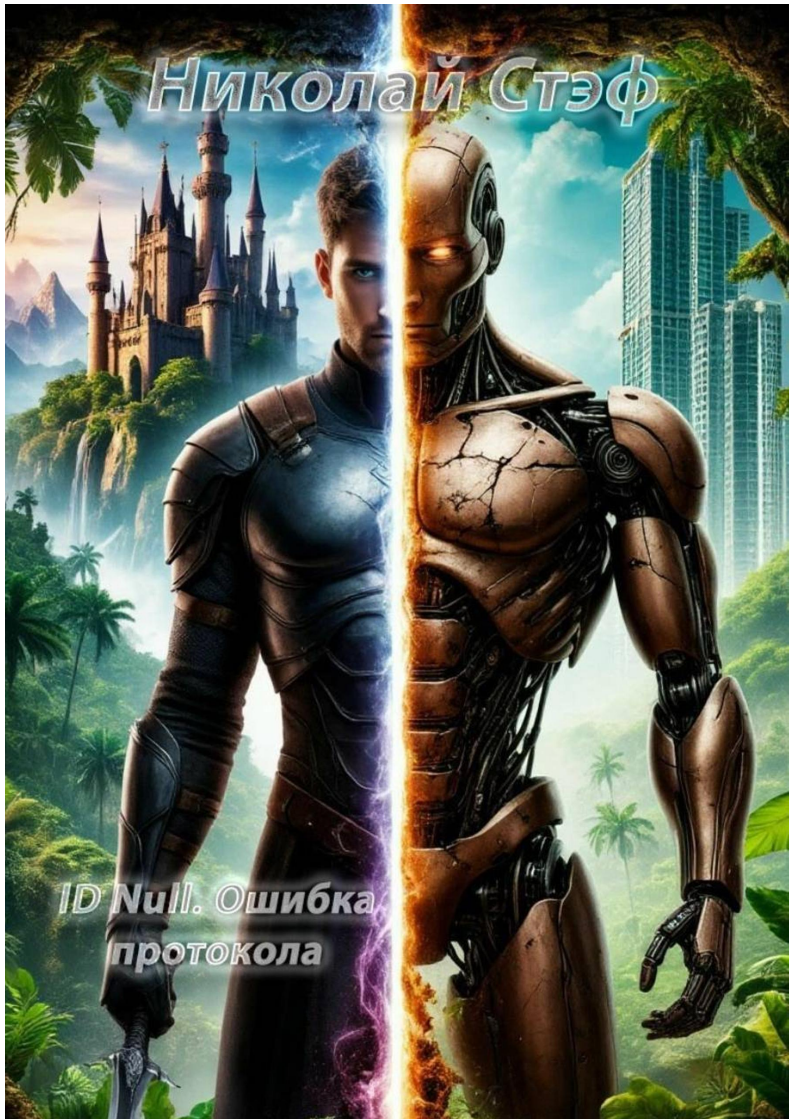


Николай Стэф

ID Null. Ошибка
протокола



Николай Стэф

ID Null. Ошибка протокола

<https://litres.ru/74423609>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мир Эрата умирает. В нём больше нет игроков — тех бессмертных полубогов, для которых этот мир был просто развлечением. Остались только NPC, обречённые на медленное исчезновение вместе с деградирующей системой. В захолустной деревне рождается Калем — мальчик с единственным навыком «Управление големами», который все считают проклятием.

Но когда у тебя только один путь, он становится достаточно широким.

Калем создаёт големов из ржавых доспехов и старого металла и отправляется в большой мир.

Путь ведёт в Гробницу Вечного Короля — рейд, который длится уже сотни лет. Там, в глубине данжа, хранится ключ к спасению. Но чтобы получить его, Калему придётся встретиться с Мёртвым Королём Личом — боссом, усиленным веками бесконечного рейда. И сделать выбор: остаться NPC или стать кем-то большим.

Книга для поклонников LitRPG и героического фэнтези — о мальчике с одним навыком, который отказывается быть «фоновым персонажем» в чужой игре.

Николай Стэф

ID Null. Ошибка протокола

Пролог

Мир Эрата носил свое имя с такой же неохотой, с какой старый солдат носит ржавые доспехи — из привычки, из гордости и из той тупой нежелания признать, что пора бы уже сложить их в чулан и лечь отдыхать. Триста лет назад, если верить глиняным табличкам, выцветшим хроникам и пьяным песням бардов, он бурлил жизнью как котел с зельем. Замки вздымались к небу каменными кулаками, их башни пронзали облака, а маги — те самые, что населяли эти башни — спорили о природе маны так же пылко, как рыцари спорили о чести. Короли чертили границы своих владений кинжалами на пергаменте, и каждый клочок земли от Северных Ледяных Пустошей до Южных Джунглей Вечного Пара знал, кому он должен дань и повиновение.

Но главное — в этом мире играли.

Калем, конечно, не знал об этом лично. Он родился слишком поздно, в эпоху, когда слово «игрок» превратилось в шепот у камина, в проклятие, в сказку для ночных кошмаров. Но мир помнил. Камни помнили. Система помнила.

Эрат деградировал. Это чувствовали все — от короля на троне из треснувшего мрамора до последнего крестьянина,

выкапывавшего камышинки на голодном пайке. Леса зады-
хались. Реки мелели, обнажая русла, похожие на ребра го-
лодного скелета. Поля, некогда дающие по три урожая в год,
теперь едва выдавали один, и тот был горьким, блеклым,
словно сама земля отравилась тоской.

И самое страшное — монстры прибывали.

Волки-мутанты, грызуны-переростки, нежить, выползаю-
щая из могил, к которым больше не приходили игроки-охот-
ники. Существа, некогда бывшие редкостью, теперь рожда-
лись, размножались и наступали, заполняя пустоту, которую
никто не мог объяснить, но все чувствовали. Будто кто-то
вытащил из механизма мира центральную шестерню, и те-
перь все остальные шестеренки вращались вслепую, скрипя,
ломаясь, разрушая друг друга.

Маги заперлись в башнях и перестали отвечать на зов. Ко-
роли сокращали армии, потому что солдаты дезертировали,
чувствуя, что их мечи тупятся не от битвы, а от какой-то
внутренней ржавчины. Торговые пути поредели. Города пу-
стели. Люди уходили вглубь, к деревням, к стенам, к тому,
что еще напоминало жизнь.

Но даже в этой гниющей красоте мир иногда напоминал
о себе. Закаты над Озером Семи Ветров по-прежнему раз-
ливали по небу кроваво-золотые краски, от которых хватало
духа. Древние големы-стражи, стоявшие у разрушенных во-
рот заброшенных городов, всё ещё склоняли каменные голо-
вы перед рассветом, словно приветствуя невидимых хозяев.

И где-то в глубине, в трещинах реальности, Система продолжала тикать, выдавая окна, подсказки, квесты — но всё реже, всё тише, всё бесполезнее.

Потому что тех, ради кого всё это было создано, больше не было.

Или почти не было.

Глава 1

Деревня Горнилогнулась под ветром, как старый хворост. Сто сорок душ, тридцать семь домов, одна колодезная площадь и стена из колючего терновника, которую жители надеялись переждать конец света. Деревня лежала на самой окраине королевства Валдория, если это развалившееся образование ещё можно было так назвать. От столицы её отделяли недели пути по дорогам, которые теперь больше напоминали следы древних змей, чем пути для караванов.

Ночь была тяжёлой. Ветер выл, терзая холмы, и где-то в темноте рычали волки — уже не совсем волки, а то, во что они превратились за годы забвения.

В доме кузнеца Торгана, самого высокого и широкоплечего мужика во всём Горниле, раздавался крик. Не первый, не второй, а тот самый, финальный, когда женщина выталкивает в мир не только ребёнка, но и часть своей души.

Мейра, жена Торгана, лежала на ложе из сухой травы и овечьих шкур, бледная как мел, и тяжело дышала. Повитуха Алдис, седобородая и с костлявыми руками, держала на весу

крошечное существо, покрасневшее от первого вздоха.

— Мальчик, — объявила она, и в голосе не было ни радости, ни облегчения. Было только усталость, и что-то ещё. Что-то, что заставило Торгана, стоявшего в дверях, напрячься.

— Что? — рявкнул он, подходя ближе. — Что-то не так?

Алдис не ответила. Она смотрела в пустоту над головой младенца, туда, куда не смотрят обычные люди. Туда, куда смотрят те, кто ещё помнит, как читать знаки Системы.

— Покажи, — Торган склонился над ребёнком. Его огромные мозолистые ладони, привычные к молоту и клещам, дрожали. — Покажи, что там.

Алдис медленно повернулась. Её глаза были широко раскрыты, зрачки расширены.

— Один, — прошептала она. — Только один. Торган, он... он ущербный.

Мейра, ещё не приходя в себя, подняла голову.

— Что... что значит «один»? Дайте мне сына. Дайте мне...

Но Торган уже видел. Он видел то, что всплыло в воздухе над люлькой — полупрозрачное окно, голубоватое, с тонкими руническими рамками. Окно, которое должно было радовать. Окно, которое должно было показывать начало.

Вместо этого оно показывало конец. Или что-то очень близкое к нему.

НОВЫЙ ЖИТЕЛЬ ЭРАТЫ

Имя: Калем

Раса: Человек (NPC)

Уровень: 1

НАВЫКИ:

Управление големами (F)

Остальные слоты: ЗАБЛОКИРОВАНЫ

(деградация Системы)

— Боги, — выдохнул Торган. Он отступил на шаг, споткнулся о свой же молот, лежавший у стены, и чудом удержался на ногах. — Боги-мертвецы...

Мейра заплакала. Не от радости. От ужаса.

— Что это значит? — она тянулась к ребёнку, но руки её дрожали так, что она боялась его коснуться. — Торган, что это значит «заблокированы»? Почему только один навык? У тебя же три было при рождении! У меня два! У всех в деревне минимум два! Даже у скотины бывает по два!

— Заткнись, — прошипел Торган, но без злобы. Со страхом. — Просто... заткнись, Мейра.

Алдис бережно, словно боясь, что младенец рассыплется, положила Калема на грудь матери. Мальчик не плакал. Он смотрел. Его глаза, ещё мутные, но красивые, были удивительно открыты, и казалось — казалось, что он смотрит не на мать, а на то окно, что висело над ним. Что он его видит.

— Деградация мира, — повторила Алдис, вытирая руки о передник. — Мир гниёт, и теперь он коснулся детей. Торган, это знак. Это знак конца.

— Заткнись! — взревел кузнец, и повитуха вздрогнула,

но не отступила. Она была старше его на двадцать лет и видела, как рождались мертвецы, как на свет появлялись дети с хвостами и с третьим глазом. Но такого — никогда.

— Ты слышал пророчество, кузнец, — тихо сказала она. — Ты знаешь, что говорили старейшины. «Придёт тот, кто будет всего лишён». Вот он. Твой сын.

Торган схватил её за плечи, поднял, прижал к стене. Мейра вскрикнула, но не вмешалась — она была слишком слаба, слишком напугана.

— Не смей, — прошипел он прямо в лицо старухе. — Не смей связывать моего сына с этим... с этим бредом! Он не проклят. Он просто... он просто болен. Поняла? Болен! Вырастет, и Система восстановится. Будет нормальным. Будет...

Он ослабил хватку. Алдис упала на пол, поднялась, отряхнулась. В её глазах не было обиды. Было только жалость.

— Конечно, Торган. Конечно. Он просто болен.

Но когда она выходила из дома, она трижды перекрестилась — старым, сокральным жестом, который помнили только самые старые. И шепнула ветру:

— Пришёл. Наконец-то пришёл.

Старейшины деревни собрались на следующий вечер. Неофициально, без колоколов и без глашатаев. Просто трое стариков — Годрик, бывший охотник; Серафима, травница; и Варр, который когда-то был скрипачом при дворе несуществующего уже короля — сидели у очага в доме Годрика и молчали, пока чай из липового цвета остывал в глиняных

чашках.

— Я видела окно, — наконец сказала Серафима. — Алдис показала. Одно окно. Один навык. «Управление големами». F-ранг. Самый низкий.

— F — это не ранг, — буркнул Годрик, ковыряя ножом доску стола. — Это приговор. Големы... да кто в здравом уме занимается големами? Это магия мёртвых башен. Магия тех, кто ушёл. Игроки последний раз призывали големов... когда? Триста лет назад? Четыреста?

— Пятьсот, — поправил Варр. Его пальцы, ещё помнившие расположение струн, постукивали по колену в такт несуществующей мелодии. — Пятьсот три года, если верить летописи. Последний игрок-заклинатель покинул Башню Каменного Сердца, и с тех пор големы стали просто камнем. Красивым камнем.

— Но пророчество, — Серафима наклонилась к огню. Её лицо, изрезанное морщинами, казалось маской из коры. — Вы помните пророчество?

Годрик и Варр переглянулись. Помнили. Все помнили, кто был достаточно стар. Оно витало в воздухе, как пыль после разрушения — невидимая, но забивающая лёгкие.

— «Когда мир забудет своих хозяев, — процитировал Варр тихо, — когда игроки уйдут в тишину, откуда нет возврата, придёт Тот-Кто лишен всего. Не из числа бессмертных, ибо их больше не будет. Не из числа избранных, ибо избрание умирает. Придёт лишённый, обделённый, ущербный.

И в его ущербности будет сила, которую мир не видел со дня Сотворения. Ибо только тот, у кого нет ничего, может дать всё. И только тот, кого считали калекой, сможет поднять мир из пепла».

Тишина повисла в комнате, тяжёлая, как мокрый плащ.

— «Игроки», — презрительно фыркнул Годрик. — Слово-то какое странное. Мы даже не знаем, почему их так звали. Мой дед говорил — потому что они играли с судьбами. Могли войти в город, убить короля, спасти принцессу, сжечь деревню — и всё это за один день. Им ничего не стоило. Для них мы были... фигурами на доске.

— Моя бабка считала, что «игроки» — потому что они играли с душами, — добавила Серафима. — Встретишь такого — и душа твоя уже не твоя. Они могли заставить тебя любить, ненавидеть, идти на смерть, предать родного. Всё ради их... квестов. Так они называли свои поручения. Квесты.

— А я думаю, — Варр поднял чашку, глядя на отражение пламени в чайной глади, — что они были игроками просто потому, что мир для них был игрой. А мы... мы были частью игры. NPC. Неигровые персонажи. Созданные, чтобы помогать. Чтобы быть фоном. Чтобы умирать красиво, когда нужно.

— И теперь игра кончилась, — Годрик плюнул в огонь. — И мы остались. И мир гниёт. И приходит какой-то ущербный младенец с одним навыком, и вы хотите сказать, что он спаситель?

— Я ничего не хочу сказать, — Серафима поднялась, подошла к окну. За ним темнела ночь, полная воя и неизвестности. — Я говорю только то, что вижу. Мир деградирует. Система выдаёт всё меньше окон, всё меньше квестов. Дети рождаются с пустыми слотами. Магия уходит. Монстры приходят. А теперь — вот он. Калем. С одним навыком. С навыком, который никому не нужен.

— И что нам делать? — Годрик поднялся, его костлявые плечи расправились. — Убить его? Избавиться от «спасителя»?

Серафима обернулась. Её глаза сверкнули.

— Нет, дурак. Нам — ничего. Мы просто... посмотрим. Если он действительно Тот — мир сам покажет. Система не врёт. Даже умирая, она не врёт.

Она вышла в ночь, оставив двух стариков у угасающего огня.

— F-ранг, — пробормотал Годрик. — Управление големами. В мире, где големы — просто камни. Прекрасно. Просто прекрасно.

Калем рос. Как и все дети, он рос — пил молоко матери, потом поилку из козьего молока, потом кашу из ячменя. Но не как все.

В три года он впервые попытался дотронуться до системного окна, которое вспыхнуло перед ним, когда он упал и ударился коленом о камень. Другие дети плакали. Калем увидел:

ПОЛУЧЕН УРОН: 3 ед.

Здоровье: 17/20

И замер. Потянул руку к голубоватому свечению. Пальцы прошли сквозь него, но он видел. Он читал. И это было прекраснее, чем любая игрушка.

— Смотрите, проклятый трогает воздух! — кричал соседский мальчишка Грент, старше Калема на год. — Он снова трогает воздух! У него глаза как у мертвеца!

Мать Грента, толстая и вечно сердитая женщина по имени Урта, хватала сына за руку и уводила прочь, бросая через плечо:

— Не подходи к нему, Грент. Он заразный. Один навык — это как проказа. Система мира его не любит. А кого не любит Система — того не любят боги. А кого не любят боги — тот приносит несчастье.

Калем стоял и смотрел им вслед. Он ещё не понимал, что значат эти слова, но понимал тон. Тон был такой же, как у ветра перед бурей.

В семь лет он пошёл на сбор трав с другими детьми. Серафима, стараясь не смотреть на него, показала, как отличить целебную ромашку от ядовитой мороки. Дети набрали полные корзины. Калем — три цветка. Потому что каждый раз, когда он видел над растением мерцающую подсказку, он замирал, пытаясь прочесть:

Ромашка полевая

Тип: Ингредиент

Качество: Обычное

Эффект: +1 к регенерации

— Что ты делаешь, калека? — толкнул его Грент, уже крепкий, с кулаками, как каштаны. — Опять в пустоту пялишься? Ты что, видишь то, чего мы не видим? Думаешь, ты особенный? Ты не особенный. Ты сломанный. Мой отец говорит — у тебя в голове трещина, как у старого горшка. Вот ты и смотришь на то, чего нет.

— Я вижу... — начал Калем тихо.

— Что? — Грент насмешливо склонил голову. — Что ты видишь, односкилловый?

— Я вижу, — Калем сглотнул, — что у тебя на руке паук. Ядовитый. Шрамовник.

Грент взвизгнул, отмахнулся, увидел полосатое пятно на запястье, отшвырнул его с воплем. Паук уполз. Калем не сказал, что окно над пауком предупреждало:

Шрамовник пёстрый

Опасность: Средняя

Эффект: Некроз (слабый)

Но после этого Грент его ненавидел ещё сильнее. А другие дети — сторонились. Потому что Калем видел. Потому что он был другим. Потому что у него был один-единственный навык, мертвый, никчёмный, F-ранговый, а у всех остальных — хотя бы два, хотя бы самых простых: «Сбор трав», «Точный бросок», «Ночное зрение». Хоть что-то живое, полезное, нормальное.

— Калека, — шептали за спиной. — Урод. Пустышка. Однооконный. Сын проклятой Системы.

В десять лет Калем впервые попытался помочь в кузнице отца. Торган, который всё ещё любил сына, но уже не знал, как к нему подступиться, дал ему поддуть меха.

— Ты же видишь, сын, — говорил он, стуча молотом по заготовке, — мир непростой. Люди... они боятся. Боятся всего, чего не понимают. А ты... ты для них загадка. Загадки пугают.

— Пап, — Калем смотрел на отца сквозь сизый дым кузницы. — А почему у меня только один? Почему не два, как у всех?

Молот замер на долю секунды. Потом ударил снова, слишком громко.

— Потому что ты особенный, — сказал Торган, не глядя. — Особенности люди... им даётся меньше, но оно весомее. Поверь мне.

Калем не поверил. Он уже научился читать ложь в голосе. Но он улыбнулся. Для отца.

Калем ушел, проветриться и подумать над тем, что сказал отец и над тем, что он не до договаривает.

Мост через Ручей Плакальщиц давно обветшал. Ещё при игроках, сказали бы старики, если бы помнили точно. Теперь он был полуразрушен, покрыт мхом и тенью, и под ним, в нише, где когда-то прятались от дождя караванщики, жил старик.

Его звали просто — Эл. Или Элло. Или, как его называли в деревне, Безумный Элло. Он появился в Горниле лет пять назад, вышел из леса, дрожа, в одной рубище, с мешком за плечами, и сел под мостом. Предлагал защиту от монстров, предсказания, чтение невидимых окон. Старейшины прогнали его. Дети бросали в него камни. Взрослые шептались за его спиной.

Но Калем нашёл его сам. В один из тех дней, когда мир казался невыносимо тяжёлым, а слова «калека» и «урод» звенели в ушах громче молота отца.

Старик сидел на камне, завёрнутый в лохмотья, и что-то резал ножом — деревянную фигурку, похожую на человечка.

— А, — сказал он, не поднимая глаз, — пришёл. Ждал.

Калем замер на полушаге.

— Вы... вы меня ждали?

— Не тебя конкретно. Кого-то вроде тебя. Сиди. Не бойся. Я не ем детей. У меня плохое пищеварение.

Калем сел на влажный камень напротив. Старик поднял голову. Его глаза были странными — одно серое, обычное, второе... голубоватое, с едва заметным свечением, как у системных окон.

— Ты видишь их, да? — спросил Элло. — Окна. Подсказки. Циферки.

Калем кивнул, не дыша.

— А ты знаешь, почему видишь?

— Потому что... потому что у меня один навык. И он...

странный.

— Не потому, — Элло захохотал, и звук его был как шорох сухих листьев. — Ты видишь, потому что ты должен видеть. Потому что мир умирает, и Система цепляется за каждого, кто может её понять. Ты — не проклят, мальчик. Ты — последний глаз в мире слепцов. Но глаз этот пока что слишком мал и слишком слаб.

Он протянул деревянную фигурку. Было непонятно, кто это — воин, маг, или просто человек с поднятыми руками.

— Знаешь, что такое NPC? — спросил старик.

— Нет, — честно ответил Калем. — Слышал слово. Не знаю значения.

— NPC, — Элло закрыл глаза, словно вспоминая, — значит Non-Player Character. Неигровой персонаж. Мы были созданы богами, чтобы помогать игрокам. Чтобы быть квестодателями, торговцами, врагами, друзьями. Чтобы наполнять мир, пока они... играют.

— А кто такие игроки? — Калем наклонился вперёд. — Почему их больше нет?

Элло открыл глаза. В них была такая глубина, что Калему стало страшно.

— Кто такие игроки... — тихо произнёс старик. — Это я тебе не подскажу, мальчик. Потому что я сам точно не знаю. Они ушли. Все разом и очень давно. Как будто кто-то выключил свет. И мы остались в темноте. С нашими квестами, которым некого давать. С нашими магазинами, в кото-

рых некому покупать. С нашими... навыками, которые теряют смысл.

Он протянул руку, коснулся лба Калема. Пальцы были ледяные.

— Но ты, мальчик... ты держишь в руках навык, который никто не понимает. «Управление големами». F-ранг. Знаешь, что значит F?

— Плохой? — робко предположил Калем.

— Нет, — улыбнулся Элло. — Забытый. F — это Forgotten. Забытый ранг. Ранг того, что мир отверг, но Система помнит. Ты не слаб, Калем. Ты просто... из другой эры. Из эры, которую мы не помним, но которая помнит нас. В тебе система пытается переродиться.

— Как мне... как мне стать сильнее?

— Читай, — Элло отодвинулся, снова взял нож и деревяшку. — Читай всё, что видишь. Каждое окно, каждую подсказку, каждую цифру. Мир говорит с теми, кто умеет слушать. А Система... Система говорит с теми, у кого нет других собеседников. Приходи. Буду учить. Если, конечно, не боишься безумного старика.

Калем не боялся. Впервые за десять лет кто-то смотрел на него не с отвращением или жалостью, а с... интересом. С теплотой. С надеждой.

— Я приду, — сказал он. — Завтра. И послезавтра. И всегда.

Элло кивнул, уже уходя в свою дрему.

— Тогда добро пожаловать в пустоту, мальчик. Здесь, в пустоте, и рождаются големы.

Прошло время.

Калему было тринадцать, когда волки пришли в большом количестве.

Раньше они нападали поодиночке, парами, редко — тройкой. Деревня справлялась. Жители Горнилы давно научились обороняться — Торган выковал копья, Годрик обучил мужчин стрелять из луков, Серафима готовила яды из лютика. Стена из терновника, подкреплённая колышками, выдерживала. Люди теряли овец, иногда — собак, редко — кого-то из своих. Но держались.

А той ночью волков было двадцать. Или тридцать. Или больше — в темноте их глаза горели жёлтым, как фонари, и казалось, что их сотни.

Калем проснулся от воя и криков. Он выскочил из дома, босой, в одной рубашке, и увидел, что творилось у стены.

Мужчины деревни стояли в линии — отец с копьём, Годрик с луком, Грент, уже повзрослевший, с дубиной, другие. Женщины носили стрелы, вёдра с водой, лечили раненых. Дети прятались в подвалах.

А за стеной — волки. Огромные, худые, с шерстью, свисавшей клочьями, с челюстями, в которых помещалась человеческая голова. Мутанты. Те, кого игроки когда-то истребляли десятками, а теперь они размножались без контроля.

— Копья вперёд! — рёв Торгана сотрясал воздух. — Не

дать им прорваться! Держать линию!

Волк взвился на стену, его когти царапали глину. Годрик выпустил стрелу — промах. Грент ударил дубиной по морде — волк отлетел, но за ним лез второй, третий.

Калем стоял позади, дрожа. Его глаза бегали, и он видел. Видел окна над каждым волком:

Волк-мутант

Уровень: 7

Здоровье: 45/45

Опасность: Высокая

И над отцом:

Торган

Уровень: 12

Здоровье: 89/120

Статус: Усталость (средн.)

Отец был уставшим. Раненым. И волков было слишком много.

— Я могу помочь! — крикнул Калем, бросаясь вперёд. — Я вижу их уровни! Я знаю, кого бить! Вон тот, слева, он слабее! У него здоровья меньше!

Грент обернулся. Его лицо было искажено страхом и яростью.

— Ты?! — он сплюнул. — Убирайся, калека! Ты нам нужен, как мёртвому припарка! Ты даже копьё поднять не можешь, а уж тем более...

— Но я вижу! — закричал Калем, и в его голосе был та-

кой отчаянный писк, что даже воюющие волки на мгновение замерли. — Я вижу их здоровье! Я вижу, кто из них ранен! Вон тот, с коричневой шерстью — у него 12 из 50! Он ранен! Бейте его, он сейчас упадёт!

— Что за бред? — Грент схватил Калема за плечи и швырнул назад. — Ты с ума сошёл! Ты ничего не видишь, кроме своих дурацких фантазий! Ты бесполезен! Бесполезен, слышишь?! Сиди дома и не мешай настоящим мужчинам работать!

Калем упал в грязь. Колено расколосось о камень, и перед глазами вспыхнуло:

ПОЛУЧЕН УРОН: 4 ед.

Здоровье: 23/35

Но боль была не от колена. Боль была от слов.

Он лежал, смотря, как волки лезут через стену, как отец отбивает одного, второго, как Годрик падает, раненый в плечо, как кровь льётся на землю Горнила. И он ничего не мог. Потому что был ушибленным. Потому что у него был единственный навык, который не работал, не помогал, не спасал.

— Калем! — голос отца прорезал хаос. — Калем, уходи! В дом! Беги!

Но Калем не бежал. Он лежал и смотрел, как мир, который он ненавидел и который ненавидел его, пытался убить тех немногих, кто его любил.

В конце концов, волков отбили. Но ценой трёх жизней —

старика Варра, который вышел с скрипкой, думая, что музыка отпугнет зверей; козопаса Люка; и маленькой девочки из соседнего дома, которую стая схватила, когда она выглянула из окна.

Калем помог хоронить. Он рыл землю, не чувствуя рук, и никто не сказал ему спасибо. Потому что он был калекой. Потому что его «помощь» никому не была нужна.

Вечером того же дня Торган пришёл к сыну. Сидел рядом на корточках, тяжело дыша — от усталости, от раны на боку, от того, что мир снова оказался слишком жестоким.

— Сын, — сказал он, и голос его был не похож на обычный. Был тихим. Ломающимся. — Я слышал, что ты кричал. Что ты... видел что-то. У волков.

Калем сидел на табурете, уставившись в пол. Не отвечал.

— Я верю тебе, — продолжил Торган. — Я не знаю, что ты видишь. Не понимаю этих твоих окон. Но я верю, что ты видишь. И я верю... я верю, что это значит что-то.

Он протянул руку, коснулся плеча сына. Тяжёлая, мозолистая ладонь, пахнувшая кузницей и потом.

— Не переживай, сын. Я верю в тебя. Ты рано или поздно обязательно вырастешь. И покажешь свою силу этому умирающему миру. Покажешь, что Калем из Горнила — не калека. А тот, кого ещё не поняли.

Калем поднял глаза. В них стояли слёзы, но он не плакал. Он запоминал. Каждое слово. Каждый оттенок голоса. Каждую мозоль на пальцах отца.

— Покажу, — прошептал он. — Обещаю. Покажу.

Торган улыбнулся — криво, устало, но искренне. Потом поднялся и пошёл к Мейре, которая звала его ужинать.

Калем остался один. И в его груди, там, где должны были быть другие навыки, но где был только один, зажглась искра. Не теплая. Не добрая. Жгучая. Та, что рождается из отчаяния и становится сильнее, чем любая магия.

Пещера была старой. Старше деревни, старше дорог, возможно, старше самой Системы. Её нашли игроки, говорил Элло, когда-то давно. Там они тренировали заклинания, призывали существ, проводили эксперименты, которые NPC лучше не знать. Потом игроки ушли, и пещера стала заброшенной. Теперь там водились летучие мыши, сквозняки и тишина — глухая, давящая, как каменная вуаль.

Калем нашёл её случайно, убегая от Грента, который снова решил показать «односкилловому» его место. Мальчик забежал в лес, спрятался за валун, а когда выглянул — увидел вход, заросший плющом, но узнаваемый. Внутри — темнота, влажность и запах древней магии.

Он приходил туда три недели. Приносил камни. Читал то, что Элло научил его читать. Пытался понять, как работает его навык.

«Управление големами». F-ранг. Забытый.

Система не давала подсказок. Никаких окон с инструкциями. Только навык, висящий в списке, мёртвый, словно вырезанный на надгробии.

Но Калем не сдавался. Он собирал камни — глину, песчаник, обломки древних стен. Складывал их в кучу. Стоял перед ними. Закрывал глаза. Пытался чувствовать.

В ту ночь, после волков, после слов отца, после слёз, которые он не пролил, он пришёл снова. Факел в руке дрожал, отбрасывая тени на стены, испещрённые древними рунами.

— Пожалуйста, — прошептал он к Системе, к миру, к богам, к кому угодно. — Пожалуйста, дай мне силу. Не для себя. Для них. Для отца для матери. Для тех, кто умер, потому что я был слишком слаб.

Он положил руки на грудь камней. Закрыв глаза. И впервые в жизни потянул. Не мышцами. Чем-то другим. Тем, что было глубже. Тем, что отвечало за навык.

Мир качнулся. В голове зазвенело. Перед глазами, даже закрытыми, вспыхнуло голубое свечение.

Камни зашевелились. Они сдвинулись, поднялись, слиплись, приняли форму. Неуклюжую, кривую, но форму — две ноги, туловище, голову без лица, руки-кулаки. Голем. Маленький, человеческого роста, состоящий из четырёх разных пород камня, с трещинами, с неровностями, но живой.

Калем открыл глаза. Его сердце колотилось так, что, казалось, ребра трещат.

— Получилось, — выдохнул он. — Получилось! Я...

Голем сделал шаг. Тяжёлый, медленный, скрипучий. Поднял каменную руку.

И развалился.

Не упал. Не рассыпался. Именно развалился — как будто та сила, что держала камни вместе, исчезла. Куски глины и песчаника посыпались на пол, подняв пыль. Из получившейся кучи торчал только один обломок, похожий на плечо.

Калем замер. Смотрел на руины своей надежды.

И тогда, медленно, печально, с той особенной безжалостностью, которую имеют только машины, перед его глазами всплыло окно. Не голубое, как обычные подсказки. Серое. Почти мёртвое.

СИСТЕМНОЕ УВЕДОМЛЕНИЕ

Призыв голема: НЕУДАЧА

Причина: Навык слишком слаб.

Требуется:

- Материал получше (камень среднего качества или выше)
- Уровень навыка: 2 (текущий: 1)
- Мана: 15 (текущий запас: 8/8)

Калем смотрел на окно. Долго. Минуту. Двадцать минут. Пыль оседала на его волосах, на одежде, на ресницах.

Потом он медленно опустился на колени. Собрал обломки. Сложил их в аккуратную кучу, как будто это была важная работа.

— Навык слишком слаб, — процитировал он шёпотом. — Требуется материал получше.

Он посмотрел на свои руки — маленькие, тонкие, покрытые ссадинами от камней. Посмотрел на пещеру — тёмную, древнюю, полную тайн, которые он не понимал. Посмотрел

на мир, который был за её пределами — жестокий, гнилой, отвергнувший его.

И поклялся.

Не вслух — громкие клятвы ломаются об стену реальности. А внутри. В том месте, где живут настоящие решения.

Я стану сильнее. Несмотря на один навык. Несмотря на F-ранг. Несмотря на то, что мир считает меня калекой. Я найду материал получше. Я подниму этот навык до максимума. Я создам голема, который не развалится. И тогда... тогда я покажу им. Всем. Что Калем — не ущербный. Что Калем — не проклятие. Что Калем — это то, чего они ещё не поняли.

Он встал. Отряхнул колени. Взял факел.

И ушёл из пещеры, оставив за спиной развалины первого голема. Но не оставив надежду.

Потому что где-то в глубине его единственного, забытого, F-рангового навыка, что-то очень тихо, очень осторожно — но твёрдо — откликнулось.

Мир Эрата всё ещё деградировал. Волки всё ещё рычали за стеной. Люди всё ещё шептали «калека» и «урод». Система всё ещё умирала, выдавая всё меньше окон, всё меньше смысла.

Но в маленькой деревне на окраине забытого королевства, в доме кузнеца, который всё ещё верил в сына, и в сердце мальчика, который научился читать знаки умирающего мира — что-то изменилось.

Голем развалился. Но клятва — нет.

И в мире, где всё разваливалось, это было уже чудом.

Глава 2

Калем шёл по тропе, которой не существовало.

Не то чтобы он нарочно искал приключений. В Горниле приключения находили тебя сами — обычно в виде очередной порции насмешек от Грента или злобного взгляда Урты, которая перекрещивалась, едва увидев «проклятого» на горизонте. Но сегодня, в редкий солнечный день, когда ветер нёс запах сосен и далёкой грозы, Калему захотелось уйти дальше обычного. Дальше пещеры, дальше Ручья Плакальщиц, дальше того круга, который он описывал вокруг деревни, словно заключённый, привыкший к границам своей тюрьмы.

Ему было четырнадцать. Или почти четырнадцать — точно он не знал, потому что дни рождения в Горниле отмечались редко, а системные окна даты не показывали. Но он чувствовал, что растёт. Не только вверх — хотя за год он подтянулся, вытянулся, перестал быть той хилой тростинкой, какой был в десять. Он рос внутри. И эта внутренняя тяга к чему-то большему, чем каменистые поля вокруг деревни и кузница отца, толкала его вперёд.

Лес густел. Сосны сменились дубами, дубы — густыми зарослями колючего кустарника, который в Горниле называли «дьявольщиной». Калем двигался осторожно, считывая под-

сказки Системы, вспыхивавшие перед глазами:

Дуб чернеющий

Возраст: 340 лет

Состояние: Увядание (слаб.)

Даже деревья умирали. Мир не щадил никого.

Он шёл уже часа три, когда тропа окончательно исчезла. Или, скорее, превратилась в нечто такое древнее, что её перестали называть тропой. Мхом покрытые валуны, грибы размером с тарелку, светящиеся тусклым фосфоресцентным светом, и тишина — не та мёртвая тишина пустыни, а тишина, полная шорохов, шепотов и взглядов из-за деревьев.

Калем замер. Перед ним, в заросшем пространстве между четырьмя гигантскими дубами, возвышалась она.

Сторожевая башня.

Не такая, как современные деревянные вышки на стене Горнила. Нет. Это была башня. Каменная, узкая, уходящая выше крон деревьев, с зубчатым парапетом, обвитым плющом, который тянулся к небу, словно пытаясь утащить камни обратно в землю. Стены были серыми, покрытыми мхом и какими-то высохшими водорослями, напоминающими зелёные кровавые подтёки. Дверь — массивная, железная, с ржавыми петлями — стояла приоткрытой, будто кто-то недавно вошёл. Или вышел. Или пытался выбраться.

Калем подошёл ближе. Ступени перед входом были разбиты, в трещинах пробивалась трава. На камне у двери красовалась выбитая надпись, почти стёртая временем:

Сторожевой пост №7

Гарнизон: 3 ед.

Статус: АКТИВЕН

(последнее обновление:174 года назад)

Системное окно. Древнее, пожелтевшее по краям, с пометкой, которую Калем никогда раньше не видел. «АКТИВЕН». Но гарнизон давно погиб.

Он переступил порог. Внутри пахло плесенью, ржавчиной и чем-то ещё — сладковатым, тошнотворным, знакомым по кузнице отца, когда тот чистил старые закрома. Запахом смерти, давно остывшей.

Первый этаж был пуст. Стол, два стула, перевернутая скамья. На стене — карта, или то, что от неё осталось: клочки пергамента, на которых можно было разглядеть лишь отдельные буквы. Калем поднял голову. Лестница, витая, каменная, уходила вверх, в темноту.

Он пошёл. Каждый шаг отдавался эхом, будто башня помнила звук человеческих сапог и радовалась ему. Второй этаж — спальня. Три койки, гнилые матрацы, кости. Не человеческие — крысиные, или какой-то другой мелкой твари. Третий этаж — арсенал. Пустые стойки для оружия, сломанный лук, несколько ржавых наконечников стрел. И четвёртый, последний, под самой крышей.

Комната была круглой, с бойницами, через которые пробивался зелёный свет леса. В центре, у стены, сидела фигура. Нет — стояла. Прислонилась спиной к камню, словно просто

отдыхала после дежурства.

Скелет.

Не тот белый, чистый скелет из детских страшилок. Это был скелет в доспехах — старых, покрытых зелёной ржавчиной, с отверстиями, пробоинами, вмятинами. Шлем с трещиной съехал набок, обнажив череп с трещиной в теменной кости. В руке — ржавый меч, приросший казалось к костям пальцев. На груди, едва различимо, красовался значок — перекрещённые мечи под короной.

Калем подошёл ближе. Его сердце колотилось так, что казалось — скелет услышит и обернётся. Но мёртвые не обращиваются. Они только ждут.

Неопознанный солдат

Раса: Человек (NPC)

Статус: Мёртв (174 года)

Причина: Неизвестна

(вероятно: бой/осада)

Система не знала его имени. Мир забыл его имя. Он был просто «неопознанным солдатом», погибшим столетия назад, когда игроки ещё ходили по земле, а башни были нужны.

Калем опустил на колени. Не из почтения — из тошноты и странного, необъяснимого чувства. Этот человек жил, дышал, стоял на страже, а потом умер. И никто не пришёл похоронить. Ни игроки, ни товарищи, ни родные. Остались только кости и ржавчина.

— Прости, — прошептал Калем. — Я не хотел тревожить.

Но... мне нужна помощь.

Он не знал, почему сказал это. Может, потому что Элло учил: «Мёртвые тоже часть Системы. Они слушают. Не всегда отвечают, но слушают».

Калем посмотрел на доспехи. На ржавую броню, на шлем, на меч. И вдруг — вдруг он понял. Как понимают голодные, где спрятан хлеб. Как понимают замёрзшие, где тепло.

Это не просто металл. Это форма. Готовая, отлитая, выкованная форма. Не груда камней, которую нужно заставить стать телом. Это уже тело. Осталось только вдохнуть в него то, что давал ему навык.

Он протянул руки. Дотронулся до нагрудника. Металл был ледяным, скользким от мха. Калем закрыл глаза.

И потянул.

Это было не похоже на попытку в пещере. Там он толкал, давил, ломался, как слепой котёнок, упирающийся в закрытую дверь. Здесь — здесь он вошёл. Словно нашёл ключ, который подошёл к замку, о существовании которого не подозревал.

Мана ушла из него потоком. Не ручейком, как тогда, когда он пытался склеить камни, а рекой, бурной, горячей, вырывающейся из груди и устремляющейся в ржавые пластины брони. Калем застонал. Его колени подогнулись. В глазах потемнело, потом вспыхнуло золотым, потом — голубым, цветом системных окон.

— Пожалуйста, — прошептал он сквозь стиснутые зубы.

— Пожалуйста, хватит. Хватит маны. Только бы хватило...

Он чувствовал, как внутри него что-то убывает. Полоска, которую он никогда не видел, но всегда чувствовал — резервуар, ёмкость, бак. Она опустошалась. Быстро. Слишком быстро.

МАНА: 8/8 → 5/8 → 2/8

Предупреждение: Критический уровень! Возможна потеря сознания!

Калем пошатнулся. Кровь ударила в виски. Он хотел остановиться, но уже не мог — навык взял его, закрутил, засосал, как водоворот. Он был не кузнецом, не магом. Он был каналом. И через него лилось то, что оживляло мёртвый металл.

И тогда, когда осталась последняя капля, когда Калем уже начал падать, теряя связь с реальностью, — скелет зашевелился.

Не поднялся. Не встал. А собрался. Ржавые пластины сдвинулись, закрипели, встали на место. Кости рассыпались, превратились в пыль, ушли в щели каменного пола — в них больше не было нужды. Доспехи не нуждались в костях. Они сами стали телом.

Нагрудник выпрямился. Наплечники встали на место. Поножи соединились. Руки — руки вытянулись, согнулись в локтях, пальцы металлических перчаток сжались в кулаки. Шлем поднялся с пола, надвинулся на невидимую голову. Меч, оторвавшись от костей, встал в стойку.

В центре комнаты, скрипя, тяжело дыша ржавыми швами,

стоял он.

Двухметровый. Широкоплечий. Покрытый зелёной ржавчиной, с дырами в броне, с трещинами, но целый. Голем. Не из камня. Не из глины. Из металла. Из памяти. Из смерти.

Калем упал на четвереньки, тяжело дыша. Перед глазами плыло. Но он успел увидеть окно. Не серое, как в пещере. Золотистое. Живое.

УСПЕХ!

Создан: Бронзовый голем-рядовой

Уровень: 1

Прочность: 45/45

Тип: Боевой (ближний бой)

Особенность: Старая броня

(бонус: +5 к защите от физ. урона)

Затраты маны: 7/8

Остаток маны хозяина: 1/8

ВНИМАНИЕ: критически низкий запас маны!

Калем смотрел на окно. Смотрел на голема. И заплакал.

Не от страха. Не от боли. От того, что наконец-то, наконец-то, после стольких лет насмешек, после «калеки», после «односкиллового», после камней, которые разваливались в пыль, — он сделал это. Он создал. Он оживил. Он доказал себе, что не сломан. Что F-ранг — это не приговор. Что «забытый» — не значит «мертвый».

Он смотрел на голема, и в его голове крутились мысли, быстрее, чем когда-либо.

Вот он. Мой. Мой голем. Не каменная куча, не глина, а настоящий воин. Бронзовый рядовой. Прочность сорок пять. Уровень первый. Он может драться. Он может защищать. Он может... он может показать им. Всем. Гренту, который толкал меня в грязь. Урте, которая крестилась в мою сторону. Старейшинам, которые шептались у камина. Они говорили — пророчество. Они говорили — спаситель. Я не верю в пророчества. Но я верю в это. В железо. В ману. В то, что я могу создать то, чего они не могут даже понять.

Я не калека. Я — кузнец другого рода. Отец кует железо в мечи. А я кую смерть в жизнь. Я не урод. Я — тот, кого Система не отпустила. Она могла дать мне десять навыков, как всем. Но она дала один. И этот один — мой. Только мой. И я сделаю его таким сильным, что мир забудет, как смеялся.

Папа сказал — покажи им. Покажи этому умирающему миру. Вот я и покажу. Не словами. Не криками. А этим. Этим двухметровым куском ржавой брони, который слушается меня. Меня, Калема, односкиллового. Только теперь я не одинок. Теперь у меня есть он. Рядовой.

Калем поднялся. Ноги дрожали, голова кружилась от нехватки маны, но он поднялся. И протянул руку к голему.

— Идём, — сказал он хрипло. — Идём домой. Покажем им.

Голем не ответил. Но повернул голову — пустой шлем — в сторону хозяина. И сделал шаг. Тяжёлый, гулкий, но уверенный. Каменный пол содрогнулся.

Калем улыбнулся. Впервые за долгие годы — по-настоящему, до ушей, до глаз, до того огня внутри, который не гас.

Они возвращались в деревню долго. Голем двигался медленно, пробиваясь сквозь заросли, ломая ветки, которые Калему приходилось обходить. Солнце перевалило за зенит, когда они вышли на опушку, откуда виднелись крыши Горнила.

И тогда Калем услышал вой.

Не одиночный, как обычно. Не парный. Это был хор. Низкий, гулкий, злобный — десятки голосов, сливающихся в один, который обещал смерть.

Калем побежал. Голем побежал за ним — тяжело, громы-хая, но бежал. Мальчик выскочил на поляну перед деревней и замер.

Волки. Не двадцать. Больше. Тридцать, может, сорок. Стая, огромная, невиданная даже для деградирующей Эраты. Они кружили у стены из терновника, и Калем видел, что стена уже прорвана — в трёх местах. Жители сражались внутри деревни, у своих домов. Он узнал крик отца — громкий, яростный, но уставший. Увидел Годрика, падающего на колени, с копьём в руке. Увидел Грента, бегущего к колодцу, куда спрятались женщины и дети.

Системные окна вспыхивали перед глазами Калема, красные, тревожные:

Волк-мутант (альфа)

Уровень: 12

Здоровье: 120/120

Навык: Вой стаи (бонусы союзникам в радиусе 30 м)

Альфа. Вожак. Двенадцатый уровень. В Горниле не было ни одного жителя выше пятнадцатого, и те — старики, не способные драться.

Калем не думал. Он просто приказал. Не словами — мыслью, через ту нить маны, что связывала его с големом.

— Вперёд. Защити их.

Голем рванулся вперёд. И впервые за сотни лет на полях Эраты раздался звук, которого там давно не слышали — звук боевого голема, идущего в атаку.

Бронза против плоти.

Первый волк — молодой, дерзкий, серый, с красными глазами — бросился на голема, не понимая, что перед ним. Он прыгнул, челюсти разверзлись, когти вцепились в нагрудник.

Голем не замедлился. Он просто схватил волка одной рукой — металлические пальцы сомкнулись на хребте — и швырнул. Развернувшись на ходу, он запустил тело в стаю. Три волка упали, сбитые с ног.

Второй волк, больший, с облезлой шерстью и шрамом через глаз, атаковал сбоку, целясь в шею — тонкое место, где броня соединялась с наплечниками. Голем повернулся. Не быстро, но точно. Ржавый меч, который он нёс в правой руке, описал короткую дугу. Звук — хрусь — был негромким, но всем слышным. Волк упал, разрезанный пополам, кишки вытекли на землю, пар поднялся в холодный воздух.

Калем стоял позади, дрожа. Он видел каждый удар, каждое движение — и видел цифры. Система щедро сыпала ок-на:

Бронзовый голем-рядовой

Атака: Удар мечом

Урон: 18 ед.

Волк-мутант получил критический урон!

Бронзовый голем-рядовой

Получен урон: 3 ед.

Прочность: 42/45

(броня поглотила удар)

Три единицы урона, подумал Калем в каком-то странном, отстранённом экстазе. Они ему почти ничего не делают. Он прочный. Он бронзовый. Он — настоящий.

Альфа вожак всё понял первым. Он оторвался от стены, где пытался прорваться к колодцу, и повернулся к голему. Его глаза — огромные, жёлтые, с вертикальным зрачком — сузились. Он рычал, и стая замерла, перестав атаковать жителей. Все волки повернулись к новому врагу.

— Нет, — прошептал Калем. — Нет, не к нему. Ко мне. Я — хозяин. Я — цель.

Он вышел вперёд, открыто, на середину поляны. Голем встал рядом, прикрывая его своим массивным телом.

— На меня! — крикнул Калем, и его голос звучал тонко, по-детски, но в нём была сила. — Чего ждёте?!

Альфа прыгнул. Не на голема — на Калема, понимая, кто

источник угрозы. Он был быстр, чертовски быстр, его лапы оттолкнулись от земли, и он летел, челюсти разинуты, слюна летела струёй.

Калем не двинулся. Он просто потянул — через связь, через ману, через ту невидимую нить.

Голем шагнул вперёд. Не прыгнул — шагнул, тяжело, неуклюже, но вовремя. Его левая рука взмыла вверх, поймала альфа в полёте за горло. Металлические пальцы сомкнулись. Волк завизжал, забарахтался, выгнул дугу. Когти царапали броню — скрип, скрип — но не пробили.

Голем поднял альфа над головой. И швырнул. В землю. С такой силой, что грянул удар, вспыхнула пыль, и волк, лидер стаи, король этой мерзкой орды, лежал неподвижно, с переломанным хребтом.

Стая замерла. Пять секунд — вечность. Потом — взвизг, хаос, и волки бросились врассыпную. Без альфы они были просто голодными тварями, а не армией. Они бежали в лес, волоча раненых, оставляя мёртвых.

Голем стоял посреди поляны, покрытый кровью и шерстью, с мечом в руке, из которого капала слюна и кровь. Он не дышал. Не дрожал. Не торжествовал. Он просто стоял — страж, солдат, ожившая бронза.

А рядом с ним стоял Калем. Четырнадцатилетний мальчик в лохмотьях, с лицом, покрытым пылью и следами слёз, с руками, всё ещё дрожащими от потери маны. Но стоящий. Прямо. С высоко поднятой головой.

Когда мир меняется

Тишина длилась долго. Потом кто-то — Серафима, старая травница — опустила копьё. Звук — бух — по камню. Потом второй. Третий.

Торган вышел вперёд. У него был порез на щеке, рука висела, прихрамывая, но он шёл. Шёл к сыну. И остановился в трёх шагах, глядя на голема.

— Калем? — голос его дрожал. — Это... это ты?

Калем повернулся к отцу. И кивнул.

— Это мой голем, пап. Я создал его. В лесу. Он... он защищает.

Торган сделал два шага и обнял сына. Обнял так, как не обнимал с детства — сильно, до хруста в рёбрах, с запахом пота, крови и кузницы. Калем чувствовал, как отец дрожит. Не от страха. От гордости, от облегчения, от того, что небо, которое он считал упавшим, вдруг оказалось на месте.

— Ты... ты его сделал, — шептал Торган. — Ты, сын. Ты.

Мейра выбежала из-за угла, где пряталась. Она бросилась к Калему, но замерла, увидев голема. Её глаза расширились. Руки поднялись ко рту.

— Боги... — выдохнула она. — Боги, что это?

— Это Калем, — сказал Торган, отпуская сына, но держа за плечи. — Это наш Калем.

Годрик подошёл, хромая, придерживая раненое плечо. Он посмотрел на голема, на мальчика, на окровавленную поляну, где лежали трупы волков. Потом — на Калема. Долго.

Как будто видел его впервые.

— Я... — начал он и замолчал. Потом опустил голову. — Я ошибался. Мы все... ошибались.

Грент выглянул из-за колодца. Его лицо было бледным, глаза — огромными. Он смотрел на Калема не с ненавистью. С ужасом. Не страха — непонимания. Как смотрят на то, что невозможно. На чудо, которое случилось с тем, кого считали проклятым.

— Но как... — пробормотал он. — У него же один навык. Один. F-ранг. Как он...

— Заткнись, Грент, — сказала Урта, появившаяся рядом. Но не зло. Устало. Она посмотрела на Калема, и в её глазах Калем увидел то, чего никогда не видел — страх. Не презрение. Страх перед тем, кого она оскорбляла годами. — Прости, мальчик. Прости нас.

Старейшины собрались вокруг. Серафима, Алдис, другие. Они шептались, переглядывались, кивали на голема. Кто-то плакал. Кто-то молился. Кто-то — и это было самое странное — смеялся. Смех сквозь слёзы, смех облегчения.

Калем стоял посреди них, и впервые в жизни он не чувствовал себя чужим. Не чувствовал гнёта. Не слышал шепота «калека». Он слышал «защитник». «Наш». «Калем».

И это было слаще мёда, горче полыни, и страшнее всего на свете. Потому что он понял: они приняли его не потому, что он изменился. Они приняли его потому, что он показал силу. И если сила исчезнет — что тогда?

Но эта мысль была тихой, задней. А передней — была гордость. И голем, стоящий рядом, тихо звеня ржавчиной на ветру, был её воплощением.

Ночью, когда деревня усыпала — уставшая, раненая, но живущая — Калем сидел в кузнице. Голем стоял у двери, неподвижный, словно выкованная статуя. Но Калем чувствовал его. Чувствовал, как мана медленно, капля за каплей, возвращается в него.

Мана: $1/8 \rightarrow 2/8$

Регенерация: 0.3/час (базовая скорость)

Медленно. Ужасно медленно. Чтобы восстановить полный запас, ему нужно больше суток. А если придётся снова драться? Если волки вернутся? Если что-то хуже?

Калем смотрел на голема. На его ржавую броню, на дыры, на трещины. И понял — понял ясно, как никогда — что камни и глина были ошибкой. Мир давал подсказку: «требуется материал получше». И он нашёл его. Металл. Броня. То, что уже было формой, уже было создано для боя. Его навык не создавал из ничего. Он оживлял готовое. Он давал душу тому, что имело предназначение.

И тогда Калем решил: он найдёт больше металла. Больше доспехов. Больше оружия. Он создаст армию. Нет — не армию. Он создаст себя. Свою силу. Свою защиту. Свой ответ миру.

На следующее утро он рассказал об этом отцу.

Торган молчал долго, куя очередную подкову. Потом от-

ложил молот.

— В лесу, говоришь, нашёл башню? С доспехами?

— Да, пап. Старые. Очень старые. Но они подходят. Они... они хотят быть использованными. Я чувствую это.

Торган посмотрел на сына. Потом на голема, который стоял во дворе, отпугивая соседских кур.

— Я знаю, где ещё есть, — тихо сказал он. — За рекой, в старом лагере. До... до того, как всё испортилось, там стояла застава. Рыцари. Или солдаты. Остались кучи железа. Ржавого, но железа. Я ходил туда лет десять назад, думал переплавить. Не осилил — далеко, тяжело, да и страшно. Но для тебя...

Он встал, подошёл к сундуку в углу, открыл его. Достал кусок металла. Не просто металла — нагрудник. Старый, вмятый, с отпечатком когтя, но целый.

— Это было у моего деда, — сказал Торган. — Он был солдатом. До кузницы. Хранил, как память. Думал, может, кому пригодится. Тебе — пригодится.

Калем взял нагрудник. Тяжёлый. Холодный. Пахнущий маслом и пылью.

— Спасибо, пап.

— Не благодари. Просто... делай то, что делаешь. И будь осторожен. Металл — он не просто материал. Он помнит. Как и мы.

Так началась железная лихорадка Калема. Он ходил по округе — в лес, к реке, к руинам, о которых знали только

старики. Находил обломки брони, ржавые мечи, сломанные шлемы, поножи, застрявшие в корнях деревьев. Мать помогала ему чистить — Мейра, которая раньше боялась прикоснуться к сыну, теперь часами сидела с щёткой и углем, очищая пластины от ржавчины, пока пальцы не кровоточили.

— Ты уверен, что это безопасно? — спрашивала она, протягивая очередной нагрудник.

— Уверен, мам. Это... это как семена. Я их сажаю. А они растут.

Она не понимала. Но верила. Впервые за долгие годы — верила.

Торган приносил находки каждую неделю. Иногда — целые комплекты доспехов, найденные в лесу или выменянные у проходящих караванщиков за подковы. Он молча клал их во дворе, молча смотрел, как сын разбирает, очищает, раскладывает по частям. И молча улыбался — той самой кривой, гордой улыбкой, которую Калем запомнит на всю жизнь.

Деревня тоже помогала. Годрик принёс старый шлем, найденный в чаще. Серафима — кинжал, который, по её словам, «всё равно ржавый, а травы режет плохо». Даже Грент, краснея и не глядя в глаза, оставил у кузницы пару металлических наколенников.

Калем собирал. Складывал. Готовил.

Голод маны

Но с каждым новым големом приходило понимание: маны не хватает.

Первый голем — бронзовый рядовой — требовал 7 единиц маны из 8. Калем создал его, едва не потеряв сознание. Второй, собранный из более лёгких пластин, потребовал 6. Третий — тоже 6. Казалось бы, лучше. Но мана-то восстанавливалась со скоростью черепахи, к тому же она требовалась для поддержания существования големов.

Мана: 8/8

Регенерация: 0.3/час (базовая скорость)

Полное восстановление: ~26 часов

Двадцать шесть часов! Целые сутки, чтобы создать одного посредственного бойца. А если он получит урон? Если прочность упадёт, и Калему придётся тратить ману на ремонт? Он пробовал — ремонт стоил 2 единицы маны за 10 пунктов прочности. Это было непозволительной роскошью.

Годы шли. Калем рос — пятнадцать, шестнадцать. Его мана росла тоже, но как улитка:

Калем

Уровень: 16

Мана: 14/14

Регенерация: 0.4/час

Четырнадцать единиц. Это позволяло создать двух слабых големов, или одного среднего, или... или ничего особенного. А мир вокруг становился опаснее. Волки приходили чаще. Появились новые твари — гнилороты, плотоядные грибы с лапами, нежить из старых кладбищ. Деревня держалась, но едва. И Калем чувствовал, что его навык — его единствен-

ный, проклятый, F-ранговый навык — упирается в потолок. Потолок, который назывался «мана».

Он спал мало, ел нерегулярно, проводил ночи в кузнице, разбирая доспехи, пытаясь найти способ сделать големов легче, дешевле, эффективнее. Он экспериментировал — лёгкие пластины вместо тяжёлых, кинжалы вместо мечей, открытые шлемы вместо закрытых. Каждая экономия маны — одна десятая единицы — была на вес золота.

И всё равно. Всё равно он чувствовал себя в ловушке. В клетке из собственного тела, которое не давало ему достаточно силы для того, что он хотел создать.

Ему было шестнадцать, когда случилось.

Он создавал десятого голема. Десятого по счёту — считая бронзового рядового, двух лёгких разведчиков, тяжёлого пешотинца, ломающего себе ноги при каждом шаге, и прочих экспериментов, удачных и не очень. Десятого, из собранных отцом чешуйчатых пластин, похожих на рыбу чешую.

Калем потратил 9 единиц маны — почти всё, что было. Голем встал, шаткий, но живой. И тогда, когда Калем уже готов был упасть от изнеможения, мир вокруг него... щёлкнул. Слово странное, но точное. Щелчок, как будто кто-то повернул ключ в замке, который был ржавым веками.

Перед глазами вспыхнуло окно. Не обычное, не серое и не голубое. Золотое. С рамкой из переплетающихся рун, которых он не видел никогда.

СКРЫТОЕ ДОСТИЖЕНИЕ!

«Единственный путь»

Условие: создать 10 големов единственным доступным навыком

Награда:

- Пассивный бонус:

«Воля кузнеца» +15% к скорости восстановления маны (постоянный, не требует активации)

Примечание Системы:

«Когда путь один, он становится достаточно широким»

Калем замер. Прочитал. Перечитал. И тогда — только тогда — он улыбнулся. Не как мальчик. Как человек, которому мир, отобравший всё, вернул крошку. Не из жалости. Из справедливости.

+15%. Это значило, что его 0.4 в час становились 0.46. Это значило, что сутки восстановления сокращались до двадцати двух часов. Это значило — ещё одного голема. Ещё одну попытку. Ещё один шанс.

Он сидел в кузнице, среди металлолома, среди ржавых пластин, среди инструментов отца, и плакал, смеялся, бился кулаками по наковальне, пока не остались синяки. Голем-десятый стоял рядом, тихий, немой свидетель.

— Спасибо, — прошептал Калем к Системе, к миру, к тому, что не забыло его. — Спасибо, что верите.

С бонусом к мане Калем работал ещё усерднее. Он понял: Система наблюдает. Система даёт награды за упорство. Значит, нужно быть ещё упорнее. Ещё лучше.

Он проводил дни и ночи в кузнице. Разбирал доспехи, перековывал их, соединял, подгонял. Отец учил его основам кузнечного дела — не чтобы ковать мечи, а чтобы понимать металл. Где его слабое место, где сильное, как сделать шарнир, чтобы голем двигался плавнее, как укрепить сустав, чтобы не ломался при ударе.

Мейра носила ему еду — хлеб, похлёбку, иногда кусок мяса, который Калем жевал, не отрываясь от работы.

— Ты слишком много делаешь, — говорила она. — Отдыхай.

— Не могу, мам. Пока мана восстанавливается — я работаю руками. Пока руки устали — я планирую. Нет времени.

И он разбирал старых гогов, создавал новых. Одного за другим. Учился. Понимал, что чем сложнее форма, тем больше маны. Чем проще — тем меньше, но и слабее. Искал баланс.

А потом, в семнадцать, он создал его.

Не тяжёлого пехотинца, не бронзового рядового. Лучника. Из лёгких пластин, которые он собирал годами — чешуйчатых, тонких, гибких. Из сломанного лука, найденного в той самой сторожевой башне, отреставрированного отцом. Из стрел, выкованных Торганом специально — коротких, тяжёлых, с металлическими наконечниками.

Процесс занял 11 единиц маны. Калем падал в обморок трижды за месяц после неудачных попыток, потом снова копил ману, создавал части, ждал, снова копил. Но он сделал.

Голем был ниже рядового — метр восемьдесят. Легче. Гибче. Броня — не сплошная, а чешуйчатая, как у рыбы, позволяющая двигаться быстро. Вместо меча — лук. Вместо тяжёлого шлема — открытый, с прорезями для глаз, через которые светилось тусклое голубое свечение маны.

Создан: Чешуйчатый голем-лучник

Уровень: 3

Прочность: 32/32

Тип: Боевой (дальний бой)

Навык: Точный выстрел (урон $\times 1.5$)

Особенность: Лёгкие пластины (бонус: +15% скорости передвижения)

Калем назвал его просто — Луч. И Луч стал его гордостью. Луч мог попасть в яблоко на сто шагов. Луч мог убить волка одной стрелой. Луч был быстр, почти бесшумен, и когда он двигался, чешуйки его брони шелестели, как крылья механической птицы.

Деревня увидела его в деле, когда стая гнилоротов попыталась прорваться с юга. Луч взобрался на крышу амбара и за пять выстрелов уложил четверых. Остальные бежали. И тогда Горнило поняло: Калем — не просто защитник. Он — оружие. Оружие, которого у них не было со времён игроков.

Но с каждым новым големом, с каждой победой, с каждым благодарным взглядом жителей — Калем чувствовал что-то другое. Неудовлетворённость. Жажду. Тоску.

Он сидел ночью на крыше кузницы, рядом с Лучом, кото-

рый стоял неподвижно, как чучело, и смотрел на лес. На ту сторону, где заканчивались поля Горнила и начиналось всё остальное.

Деревня больше не казалась ему тюрьмой. Она стала... стартовой зоной. Той самой, о которой рассказывал Элло — местом, где игроки получают первый квест, учатся основам, набирают уровень. Но никто не остаётся в стартовой зоне навсегда. Игроки уходили. Они всегда уходили. И Калем, хоть и не был игроком, чувствовал то же.

Мне семнадцать, думал он, глядя на звёзды, которые в Эрате тускнели с каждым годом. Семнадцать, и я создал уже много големов. У меня есть рядовой, есть Луч, есть пара разведчиков. Я защищаю деревню. Меня уважают. Меня боятся. Меня любят.

Но этого мало.

Волки — это не враг. Это симптом. Мир гниёт дальше, за пределами этих полей. Где-то там рушатся башни, умирают города, рождаются чудовища, о которых мы даже не слышали. И я сижу здесь, на крыше, и чиню ржавые пластины. Я — как тот солдат в башне. Стою на страже места, которое никому не нужно. Которое забыло даже Система.

Но если я уйду...

Он закрыл глаза. В голове всплывали лица. Отец, с его молотом и кривой улыбкой. Мать, с её щёткой и ранеными пальцами. Элло, старый безумец под мостом, который научил его читать. Годрик, который наконец-то перестал кри-

виться. Даже Грент, который теперь здоровался с ним, краснея.

Если я уйду — их кто защитит? Мои големы? Я не могу оставить их всех. Они связаны со мной. Мана, помнишь? Я — источник. Без меня они — просто металл через пару дней. Я могу оставить одного, может, двух. Но не армию. И волки вернутся. Или хуже.

Но если я останусь — я умру здесь. Не физически. Внутри. Я буду ковать големов из лома до конца дней, и мир сожрёт меня вместе с деревней. Потому что деградация не остановится. Потому что Система умирает, и моя мана — капля в море. Мне нужно больше. Мне нужны материалы получше. Мне нужны знания. Мне нужно найти то, что осталось от игроков. Башни, библиотеки, подземелья. Там, говорил Элло, есть ответы. Там есть способ стать сильнее.

Но как уйти? Как сказать отцу, что его сын, которого он спасал от отчаяния, теперь сам рвётся в неизвестность? Как смотреть в глаза матери, которая только недавно перестала бояться за меня?

Я не игрок. У меня нет бессмертия. Если умру — умру по-настоящему. Но если останусь — умру тоже. Просто медленнее.

Калем открыл глаза. Луч стоял рядом, и Калем чувствовал его «взгляд» — тот тупой, но верный фокус маны, который связывал их.

— Ты бы ушёл, Луч? — спросил он шёпотом. — Если бы

мог?

Голем не ответил. Но Калем знал ответ. Големы не уходят. Они идут туда, куда ведёт хозяин. И хозяин ещё не решил.

Но решение уже зрело. Оно зрело с того дня, когда он нашёл бронзового рядового. С того дня, когда он впервые создал жизнь. С того дня, когда отец сказал: «Покажи этому миру».

Я покажу, думал Калем, глядя на горизонт, где лес смыкался с ночью. Но не здесь. Не в этой стартовой зоне. Я покажу всему Эрату. Я найду то, что осталось от игроков. Я найду способ увеличить ману. Я найду лучшую броню, лучшее оружие. Я создам голема, перед которым дрогнут короли. Или умру, попытаюсь.

Но сначала... сначала мне нужно сказать им. Попрощаться. И это будет тяжелее, чем любой бой. Тяжелее, чем создание первого голема. Потому что прощаться — значит признать, что ты вырос. А я не уверен, что готов. Не уверен, что моя мана, мои големы, мои семнадцать лет — достаточны.

Но кто когда-то был уверен?

Калем спустился с крыши. Прошёл мимо спящих родителей — отец храпел, мама ворочалась, что-то бормоча. Он остановился в дверях их комнаты. Посмотрел. Запомнил.

Потом вышел во двор, где стояли его големы. Рядовой, Луч, пара разведчиков. Его армия. Его семья.

— Готовьтесь, — тихо сказал он им. — Скоро мы уходим. Не знаю когда. Не знаю куда. Но уходим.

Големы стояли неподвижно. Но Калем показалось — показалось, или, может, Система прошептала через связь? — что они кивнули. Что бронза и чешуя затрепетали в предвкушении.

А за окном, за стеной Горнила, в чаще древнего леса, где-то там, где заканчивалась стартовая зона и начинался настоящий мир, завыл волк. Не мутант. Обычный. Или, может, не совсем обычный.

Калем улыбнулся. Холодно. Решительно. С той улыбкой, которой он научился у старика под мостом.

— Жди, — сказал он волку, миру, Системе, себе. — Я иду.

Глава 3

Утро выдалось хмурым. Небо над Горнилом затянуло свинцовыми тучами, и ветер, налетавший с севера, пах сыростью и гнилью. Калем стоял у кузницы, разбирая очередную партию металлолома, которую притащил накануне Годрик. Пальцы привычно скользили по ржавым пластинам, оценивая их пригодность, когда за спиной раздалась тяжёлая шага.

— Калем.

Голос принадлежал. Торгану, но в нём не было обычной утренней хрипотцы. Была настороженность. Отец стоял в дверях, сжимая в руке молот, хотя до начала работы было ещё далеко.

— Что-то случилось? — Калем обернулся, и тут же заметил, что во дворе собрались люди. Не все, но достаточно — человек десять. Годрик, Алдис, пара старейшин помоложе, чьих имён Калем даже не знал. И Грент. Грент стоял чуть позади, пряча глаза, что само по себе было подозрительно.

— Старейшины хотят с тобой поговорить, — сказал Торган. Он говорил спокойно, но Калем видел, как побелели костяшки его пальцев на рукояти молота.

Калем вышел во двор, вытирая руки о ветошь. Годрик шагнул вперёд. Его лицо было мрачным, под глазами залегли тени — старик явно не спал всю ночь.

— Калем, — начал он, и в голосе его не было той теплоты, что появилась после битвы с волками. Только усталость и что-то похожее на вину. — У нас к тебе серьёзный разговор.

Один из старейшин, коренастый мужик по имени Хорн, отодвинул Годрика плечом. Хорн был кузнецом конкурентов Торгана, хотя правильнее сказать — он был тем, кто ковал подковы и чинил мотыги, пока Торган делал оружие. Между ними всегда пробегала искра соперничества, но Калем никогда не придавал этому значения.

— Хватит ходить вокруг да около, — рявкнул Хорн. — В деревне проблема. И решить её можешь ты, Калем.

— Какая проблема? — Калем перевёл взгляд с одного лица на другое. Серафима стояла в стороне и не вмешивалась, но в её глазах Калем прочитал предостережение.

— Шахта, — сказал Хорн. — Старая шахта на востоке. Ты

же знаешь, что металл у нас почти кончился. Те пластины, что ты собираешь по лесам, — это крохи. А старую шахту мы выработали ещё три года назад. Осталась только одна жила, южная, за Лесом Костей. Но там...

Он замялся. Годрик вздохнул и закончил за него:

— Там гнездо гоблинов. Ополченцы, которых мы отправили на разведку месяц назад, не вернулись. Никто. Пятеро мужчин, и все пропали без вести. Мы думали, что их убили волки, но вчера Грент видел в лесу... ну, скажем, странные следы.

Все взгляды устремились на Грента. Тот вжал голову в плечи, словно пытался спрятаться за спинами взрослых.

— Я не хотел, — пробормотал он. — Я просто ходил за грибами, и увидел в лесу что-то похожее на укрепления. Колья, навесы. И запах. Как будто кто-то жарил мясо, только мясо было тухлое.

— Гоблины, — тихо сказала Серафима. — Только гоблины так пахнут. И только они строят укрепления на нашей земле.

Хорн снова перебил:

— Дело не только в них. Шахта — это наше будущее. Без металла мы не сможем делать оружие, ковать инструменты. Следующая зима будет голодной и холодной, и, если мы не отобьём шахту — либо сдохнем от холода, либо нас сожрут монстры. Ты понимаешь, Калем?

Калем медленно кивнул. Он всё понимал. Слишком хоро-

шо понимал.

— И вы хотите, чтобы я пошёл туда? — спросил он.

Хорн ухмыльнулся. Улыбка у него была кривая, недобрая.

— Ты же защитник, верно? Ты показал себя с големами.

Волки — это были цветочки, а гоблины — ягодки. По крайней мере, так говорят старые охотники. Справишься — будешь героем. Не справишься...

Он развёл руками, изображая сожаление. Но Калем видел в его глазах злорадство. Хорн не хотел его победы. Хорн хотел, чтобы Калем провалился, чтобы «калека», ставший вдруг защитником, снова упал в грязь. Чтобы все увидели — чудо было случайностью.

— Хорн, заткнись, — оборвал его Годрик. — Калем, слушай меня. Задание — это опасное, но необходимое. Мы не можем послать туда ополченцев — у нас осталось только двенадцать боеспособных мужчин, и они нужны для защиты деревни, если волки вернуться. Твои големы — это единственная сила, которая может справиться с гоблинами без потерь с нашей стороны. Но я не стану приказывать тебе. Я прошу. И если ты откажешься, я пойму. Мы найдём другой способ.

Калем посмотрел на отца. Торган стоял неподвижно, и его лицо было каменным. Он смотрел на Хорна так, будто хотел прожечь в нём дыру взглядом. Калему показалось, что отец знал, кто стоит за этим заданием. Знал, но не мог сказать.

— Я пойду, — сказал Калем.

Слова вырвались сами собой. Он ещё не успел подумать,

а рот уже произнёс. Грент втянул голову ещё глубже. Хорн ухмыльнулся шире. А Торган сделал шаг вперёд, но Мейра, стоявшая у дверей, взяла мужа за руку.

— Я пойду, — повторил Калем. — Но не потому, что вы меня просите. И не потому, что я герой. Потому что, если шахта не откроется, деревня умрёт. И тогда всё, что я сделал, не будет иметь смысла.

Годрик опустил голову. Старик выглядел виноватым и уставшим, как пёс, который не выспался после ночной охоты.

— Готовься, — сказал он. — Выступаешь ночью.

— Почему ночью? — спросил Калем. — Днём безопаснее.

— Гоблины ночные твари, — ответила Серафима. — Днём они спят в своих норах. Если пойдёшь ночью — они будут активны, но зато ты застанешь их врасплох, когда они выходят на охоту. Им некуда будет бежать. А если пойдёшь днём — они успеют подготовиться и устроить засаду. Так говорится в старых записях, ещё со времён игроков.

Калем кивнул. Он не знал, можно ли верить записям времён игроков, но у него не было другого выбора.

— Собирайся, — повторил Годрик и ушёл вместе с остальными.

Хорн уходил последним и на прощание бросил через плечо:

— Не подведи нас, защитник. Или кого-нибудь другого найдём.

— Да пошёл ты, — сказал Торган, когда Хорн скрылся за углом.

Калем с удивлением посмотрел на отца. Торган редко ругался при сыне.

— Я знаю, кто это всё затеял, — сказал кузнец, поворачиваясь к Калему. — Хорн и его прихвостни. Они завидовали тебе, Калем. Завидовали тому, что мальчишка, которого они считали проклятым, вдруг стал сильнее их. И решили проучить тебя. А Грент... Грент просто трус. Его подставили, и он побоялся отказаться.

— Я догадался, — сказал Калем. — Но пап, я могу это сделать. У меня есть Рядовой и Луч. Этого достаточно, чтобы справиться с гоблинами.

— Я знаю, — Торган взял сына за плечи. — Я знаю, что ты сильный. Но будь осторожен. Гоблины — это не волки. Они хитрее, они пахнут смертью и не боятся железа. И они приходят не поодиночке.

— Я справлюсь, — твёрдо сказал Калем.

Он пошёл к кузнице, но на пороге обернулся. Мейра стояла у дверей, прижимая руки к груди. Она не плакала, но глаза её были влажными.

— Вернись, — сказала она. — Пожалуйста.

— Вернусь, мам, — пообещал Калем.

Ночь опустилась на Горнило густым, непроглядным покрывалом. Луна спряталась за тучи, и даже звёзды едва пробивались сквозь свинцовую пелену. Это было на руку. Чем

темнее, тем лучше.

Калем стоял у ворот в сопровождении двух своих лучших големов. Бронзовый рядовой возвышался над ним на полтора метра, его ржавая броня тускло поблёскивала в свете факела, который держал Годрик. Луч стоял чуть позади, его чешуйчатый корпус почти сливался с темнотой. Калем погладил хороший короткий меч с удобной рукоятью, который ему дал отец на всякий случай.

— Готов? — спросил Годрик.

— Вроде да, — ответил Калем.

Ему не нравилось, что он идёт в ночь, но только ночью, можно было попробовать застать врасплох гоблинов. Внутри всё сжималось от страха, но Калем научился не показывать это. Он смотрел на тёмную стену леса и чувствовал, как мана медленно циркулирует в его теле, готовая поддержать големов в бою.

— Там, — Годрик указал на восток, где за деревьями угадывался силуэт холма. — Лес Костей. Шахта на южном склоне. Гнездо в пещере у подножия холма. Иди вдоль старой дороги и не сходи с неё. По сторонам — болота. Если попадёшь в трясины, никто тебя не достанет.

— Я понял, — Калем кивнул. — Я вернусь.

И шагнул в темноту. Рядовой и Луч последовали за ним.

Лес Костей оправдывал своё название. Через час ходьбы Калем понял, почему местные обходят это место стороной. Деревья здесь были старыми, корявыми, с искривлёнными

ветвями, которые напоминали пальцы мертвецов, тянущиеся к небу. Кора была покрыта белыми пятнами лишайника, и в темноте они светились бледным, фосфоресцирующим светом.

Система приглушённо тикала, не выдавая тревожных окон, но Калем чувствовал беспокойство. Навык «Управление големами» вибрировал в груди, реагируя на каждую тень. Рядовой двигался впереди, его тяжёлые шаги раздавались глухим эхом. Луч следовал за ними в десяти шагах, держа лук наготове.

Калем не любил ночь. Ночью мир становился другим — враждебным, незнакомым. Днём он видел подсказки, читал уровни, понимал структуру мира. Ночью же всё смешивалось в тени, и даже система выдавала меньше информации. Казалось, что ночь была единственным временем, когда умирающий мир отдыхал от своих жителей.

Он прошёл уже больше двух часов, когда лес стал редеть. Впереди показалась поляна, и Калем остановился. Сквозь кроны деревьев он увидел нечто, что заставило его сердце биться чаще.

Гнездо гоблинов.

Оно выглядело иначе, чем он ожидал. Вместо примитивных шалашей из веток он увидел укрепления. Настоящие частоколы, навесы из шкур, даже что-то похожее на сторожевые башни. Вокруг лагеря горели костры, но пламя было странным — зелёным, с языками чёрного дыма. Калем ни-

когда не видел такого огня.

Он присел за большим камнем, вглядываясь в лагерь. Перед глазами вспыхнуло системное окно:

Лагерь гоблинов (укреплённый)

Тип: Гнездо

Опасность: Высокая

Количество: 18-22 (приблизительно)

Калем сглотнул. Восемнадцать. Это было больше, чем он ожидал. Намного больше.

Но когда он присмотрелся к фигурам, двигавшимся между костров, он понял, что проблема не в количестве. Проблема была в размерах.

Гоблин-пехотинец

Уровень: 6

Здоровье: 40/40

Тип: Мутировавший

Они были крупнее. В два раза крупнее тех гоблинов, о которых рассказывали старики. Вместо маленьких, сторблённых существ, которые боялись собственной тени, перед Калемом стояли настоящие воины. Ростом почти с человека, с широкими плечами, покрытыми грязно-зелёной кожей с костяными наростами. Они носили кольчуги — плохого качества, из грязного металла, но кольчуги. В руках у них были дубины и кривые мечи. А в глазах — жёлтый, злобный свет, который Калем уже видел у волков-мутантов.

Десять лет назад, — понял Калем. — За десять лет они

эволюционировали. Они стали сильнее, умнее, опаснее. Вот почему ополченцы не вернулись. Они столкнулись с существами, которых никто не ожидал увидеть.

Калем сжал зубы. Он мог развернуться и уйти. Сообщить старейшинам, что гоблины слишком сильны, что нужна армия. Но он знал — армии нет. Если он не справится сейчас, не справится никто. И шахта останется у гоблинов. А деревня медленно, но точно погибнет.

— Нет, — прошептал он. — Я не отступлю.

Он сосредоточился, соединяясь с големами через ману. Мысль, быстрая и чёткая, передалась Рядовому и Лучу.

Вы двое. Рядовой — идёшь прямо, привлекаешь внимание. Луч — обходи слева, занимаешь позицию у тех кустов. Бьёшь по тем, кто подходит к Рядовому. Я — за вами.

Големы не кивнули. Они просто двинулись, повинаясь приказу.

Рядовой первым вышел из леса. Его шаги были тяжёлыми, предсказуемыми, но именно это Калему и было нужно. Гоблины заметили его почти сразу. Крики, похожие на рычание, разнеслись по лагерю. Десятки зелёных фигур бросились к нему, размахивая дубинами и мечами.

Рядовой поднял свой ржавый меч и встретил первую волну. Он не умел уклоняться — его тело было слишком тяжёлым, слишком медленным. Но он умел блокировать и наносить удары.

Первый гoblin, самый крупный, с костяным шлемом на

голове, взмахнул дубиной и попал Рядовому в плечо. Послышался противный хруст, и перед глазами Калема замигало окно:

Бронзовый голем-рядовой

Получен урон: 8 ед.

Прочность: 37/45

Рядовой пошатнулся, но не упал. Он развернулся и нанёс ответный удар — тяжёлый, широкий, который раскроил гоблина от плеча до пояса. Зелёная кровь брызнула фонтаном, и гоблин упал, разваливаясь на части.

— Ещё, — прошептал Калем.

Второй гоблин, вооружённый кривым мечом, ударил Рядового в грудь. Ржавая броня выдержала, но пошла трещинами:

Прочность: 29/45

Рядовой шагнул вперёд, поймал гоблина за горло и сжал пальцы. Хруст, хрип, и второй труп упал к ногам Рядового.

Но их было слишком много. Они лезли с разных сторон, и Калем видел, как прочность Рядового падает: 29, 24, 19... Ещё пара ударов, и голем превратится в грудку металлолома.

— Луч, сейчас! — крикнул Калем.

Чешуйчатый голем выскользнул из кустов. Его стрела — короткая, тяжёлая, с металлическим наконечником — вонзилась в глаз ближайшего гоблина. Существо упало, не издав ни звука. Вторая стрела ушла в грудь, третья — в голову. Гоблины, которые столпились вокруг Рядового, начали

оглядываться, пытаюсь найти нового врага.

Калем использовал это мгновение.

— Рядовой, отходи! — мысленно приказал он. — Отступай к деревьям! Луч, прикрой!

Големы повиновались. Рядовой сделал несколько тяжёлых шагов назад, прикрываясь щитом, который он подобрал у убитого гоблина. Луч продолжал стрелять — методично, точно, каждый выстрел находил цель. Калем сам не заметил, как они втянули гоблинов в ловушку, в узкий проход между двумя большими валунами.

И тогда Калем применил свою тактику, наблюдая за ходом боя из укрытия.

— Рядовой, встань в проходе! — приказал он. — Блокируй! Не дай им пройти. Луч, стреляй в тех, кто пытается пролезть по бокам.

Рядовой развернулся, встал в проходе, поднял щит и ржавый меч. Его массивная фигура перекрыла путь десятку гоблинов, которые бежали за ним. Они врезались в него, пытаясь пробиться, но их атаки были скованными — слишком много тел, слишком мало места. Они мешали друг другу.

А Луч методично снимал их одного за другим. Стрела — и гoblin падает. Ещё одна — и второй. С каждым выстрелом прочность гоблинов падала, и они не могли ничего сделать — в узком проходе не развернуться, не убежать.

Калем стоял за валуном, сжимая рукоять меча. Его мана пульсировала, соединяя его с големами. Он чувствовал каж-

дую атаку Рядового, каждое движение Луча, каждую стрелу, вонзавшуюся в плоть гоблинов. Это было странное чувство — быть одновременно везде и нигде, видеть глазами големов и думать за них.

Прочность Рядового: 14/45

— Чёрт, — выдохнул Калем. — Луч, быстрее!

Луч послушался. Его стрелы посыпались градом, и гоблины, которые пытались прорваться, падали один за другим. Калем видел, как здоровье врагов падает:

Гоблин-пехотинец: 40/40 → 12/40 → 0

Гоблин-пехотинец: 40/40 → 25/40 → 5/40 → 0

Гоблин-пехотинец: 40/40 → 30/40 → 10/40 → 0

И так с каждым.

Прошло всего несколько минут, но они казались часами. Рядовой стоял в проходе, его броня была покрыта вмятинами и трещинами. Его прочность держалась на последних цифрах. Если бы ещё один удар, он бы развалился.

Но гоблины отступили. Те, кто остался живы — а их было не больше пяти — побежали обратно в лагерь, крича на своём гортанном языке. Они поняли, что не справятся с железным монстром.

Калем не дал им передышки.

— Рядовой, за ними! — скомандовал он. — Луч, на высоту!

Рядовой, хромая, но двигаясь, пошёл вперёд. Он догонял гоблинов одного за другим, потому что шаги голема, хоть и

медленные, но были на много шире, чем у гоблинов, и его меч, уже затупившийся, ломал их зелёные тела. Луч нашёл высокое дерево и забрался на него, откуда мог видеть весь лагерь. Он стрелял сверху, как ястреб, и каждая стрела приносила смерть.

Калем вышел из укрытия. Он больше не прятался. У него было преимущество, и он хотел использовать его до конца.

— Рядовой, уничтожь все укрепления! — приказал он. — Луч, следи, чтобы никто не сбежал.

Рядовой рубил частоколы, как ветки. Его железный кулак ломал навесы, разбрасывал костры, топтал запасы. Гоблины пытались сопротивляться, но их было слишком мало. Без численного преимущества они были просто слабыми существами, которых убили големы.

Последний гoblin, самый крупный из всех, с костяной короной на голове, стоял у входа в пещеру. Это был вожак, уровень 8, и он сжимал в руках большой двуручный топор. Он смотрел на Рядового, и в его глазах горел не страх, а ярость.

— Луч, огонь! — крикнул Калем.

Стрела вонзилась в плечо вожака. Тот взревел, но не упал. Он развернулся к Лучу, и его топор взметнулся вверх — но в этот момент Рядовой сделал свой шаг. Один шаг, тяжёлый и медленный, который закончился ударом меча по шее вожака.

Голова отлетела к ногам Калема, а тело рухнуло на землю. Вожак был мёртв.

Калем стоял, смотря на поверженного врага. Его дыхание было частым, грудь ходила ходуном. Мана почти истощилась, но он выжил. И его големы выжили. Рядовой — с 12 единицами прочности из 45. Луч — почти нетронутый.

— Мы сделали это, — прошептал Калем.

И тогда перед глазами вспыхнуло окно:

КВЕТ ВЫПОЛНЕН: «Очистка леса»

Статус: Успешно

Награда: 500 опыта

Репутация деревни: +50

Следом за этим пришло второе окно:

УРОВЕНЬ ПОВЫШЕН!

4 → 5

Свободных очков характеристик: 3

Калем смотрел на окно и чувствовал, как по его телу разливается тепло. Оно было знакомым — таким же, как когда он создавал первого голема. Рост уровня приносил не только новые возможности, но и облегчение. Мир на мгновение казался менее враждебным.

— Интеллект, — сказал он системе. — Вложить всё в Интеллект.

Окно исчезло, и Калем почувствовал, как его запас маны увеличился. Он открыл статус:

Калем

Уровень: 5

Класс: Не определён

Здоровье: 35/35

Мана: 22/22

Сила: 6

Ловкость: 5

Выносливость: 7

Интеллект: 11

Мудрость: 4

Удача: 3

Теперь у него было больше маны. Ещё немного, и он сможет создавать более сильных гомов. Но сначала — осмотр поля боя.

Лагерь гоблинов был разрушен. Укрепления сожжены, трупы усеивают землю, зелёная кровь смешалась с грязью. Калем прошёлся между телами, проверяя, не осталось ли живых. Везде была пустота.

Он зашёл в пещеру, служившую убежищем для вожака. Внутри пахло гнилью и кровью. На стенах висели черепа — человеческие. Это были те самые ополченцы, которые не вернулись. Калем остановился перед ними на секунду, опустил голову и произнёс шёпотом:

— Простите, что мы не пришли раньше.

И он пошёл дальше. В глубине пещеры, в небольшой нише, что-то ярко светилось. Калем подошёл ближе и увидел камень. Необычный, голубоватый, пульсирующий тёплым светом. Вокруг него горели маленькие искры, которые рассыпались по стенам.

Он протянул руку, и когда его пальцы коснулись камня, перед глазами вспыхнуло окно:

НАЙДЕН ПРЕДМЕТ: Осколок Системы Неизвестный

Тип: Артефакт

Редкость: Редкий

Свойства: Неизвестны

Калем поднял камень. Он был тёплым, гладким на ощупь. Когда он сжимал его в ладони, по телу пробегали электрические разряды — не больно, а приятно, как лёгкий массаж. Что это? И зачем Система оставила его здесь?

Он спрятал камень в мешок и вышел из пещеры. У входа его ждали Рядовой и Луч. Рядовой держался на последнем дыхании — его прочность была минимальной, и Калем знал, что через день-два голем развалится, если его не починить. Но сейчас это не имело значения. Важно было вернуться в деревню.

— Идём домой, — сказал он големам и направился обратно в лес.

Деревня встретила его утром. Не все поверили, что он справился. Калем шёл по главной улице, и за ним тянулся Рядовой, покрытый вмятинами и ржавчиной, но целый. Луч шёл рядом, держа лук наготове, хотя врагов не было.

Годрик первым увидел его. Старик сидел на лавке у своего дома, когда заметил в конце улицы фигуру Калема.

— Вернулся! — крикнул он. — Вернулся!

И деревня ожила. Люди выбегали из домов, женщины пла-

кали, мужчины хлопали по плечам. Торган бежал к сыну с такой скоростью, что Калем даже не успел ничего сказать. Он просто обнял его, прижал к себе так сильно, что Калем почувствовал, как дрожит отец.

— Ты жив, — бормотал Торган. — Ты жив, сын.

— Я в порядке, пап, — улыбнулся Калем. — Справился.

— А гоблины? — спросил Годрик, подходя ближе.

— Все мертвы. Лагерь разрушен. Шахта свободна.

Взрыв радости пронёсся по толпе. Калем даже не ожидал такого — люди смеялись, обнимались, жали ему руки. Кто-то похлопывал его по спине, кто-то сжимал ладонь так крепко, что хрустели кости. Мейра, его мать, стояла на пороге дома и плакала, улыбаясь сквозь слёзы.

И только двое не радовались.

Хорн стоял на заднем плане, стиснув зубы и сжав кулаки. Рядом с ним прятался Грент, который не поднимал глаз. Они не думали, что Калем вернётся. Они думали, что он погибнет, и тогда они скажут: «А что вы хотели? Он же калека». Но Калем вернулся. С победой.

Калем взглянул на них. Всего на секунду. И в его взгляде не было злобы — только усталость и лёгкое презрение. Он отвернулся и подошёл к матери.

— Я дома, мам, — сказал он. — И у меня есть кое-что важное.

Он достал светящийся камень. Толпа затихла, глядя на странный артефакт.

— Это Осколок Системы, — сказал он. — Я не знаю, что он делает, но кто-то из старейшин должен знать.

Серафима подошла к нему, протянула руки, и Калем передал ей камень. Она держала его, как святыню, и лицо её озарилось пониманием.

— Это Осколок, — сказала она. — Осколок, отгоняющий монстров. В старых записях о нём говорится как о страже-артефакте. Если его разместить над ратушей, его свет будет отпугивать тварей. Волки, гоблины, нежить — они не смогут приблизиться к деревне. Это... это спасение.

Калем замер. Он не ожидал такого поворота. Он принёс камень, думая, что это просто трофей, а оказалось, что он принёс защиту.

— Мы можем использовать его здесь? — спросил он. — Для деревни?

— Да, — Серафима кивнула. — Если ты согласишься.

Калем улыбнулся. Он чувствовал облегчение — такое сильное, что даже дышать стало легче. Теперь деревня будет защищена. Ему не нужно будет оставлять големов, чтобы охранять её. Артефакт сделает это вместо них.

— Тогда ставьте его над ратушей, — сказал он. — Моя мана нужна для другого.

Толпа взорвалась аплодисментами. Люди побежали к ратуше, неся камень, как священный дар. Калем остался стоять с матерью и отцом, и в его груди наконец-то стало тепло.

Позже вечером, когда праздник разгорелся вовсю, Калем

сидел на крыше кузницы и смотрел на деревню. Факелы горели, люди танцевали, пели, пили. Он видел, как его отец разливал эль, как мать танцевала с соседками, как даже Годрик улыбался. И он чувствовал себя частью чего-то большого. Не изгоем. Не калеккой. Героем.

Но внутри него всё ещё жил вопрос: что дальше? Осколок защитит деревню, и его големы больше не нужны здесь. Значит, путь на запад, к большим городам, свободен. Он может уйти, когда захочет.

И он знал — он уйдёт. Но сначала он даст деревне праздник. Хотя бы одну ночь мира.

Калем закрыл глаза и улыбнулся. Мир не был идеальным. Он был сломан, гнил и деградировал. Но в эту ночь Горнило праздновало победу. И Калем был её причиной.

Глава 4

Праздник длился уже третий час. Факелы пылали на площади, освещая раскрасневшиеся лица жителей Горнила. Кто-то играл на самодельной волынке, кто-то плясал вокруг костра, дети бегали между ног взрослых, выкрикивая имя Калема так, словно он был не мальчишкой из их деревни, а сказочным героем, сошедшим со страниц древних хроник. Эль лился рекой — самодельный, кисловатый, но хмельной, и даже Годрик, обычно суровый и молчаливый, сегодня улыбался, размахивая кружкой.

Калем сидел на скамье у колодца, наблюдая за всем этим с лёгкой отстранённостью. Он улыбался, кивал, принимал похвалы, но внутри него было пусто. Не то чтобы он не радовался — радовался, конечно. Но победа над гоблинами была лишь шагом. Маленьким шагом на огромном пути, который он ещё не до конца понимал.

— Калем! — кто-то хлопнул его по плечу. Это был Грент. Тот самый Грент, который ещё неделю назад толкал его в грязь и называл калеккой. Сейчас он стоял, красный от смущения и выпитого эля, и протягивал Калему кружку. — Держи. Ты это заслужил. Мы все... мы все были дураками. Ты простишь нас?

Калем взял кружку, но пить не стал. Он смотрел на Грента и не чувствовал злобы. Только усталость.

— Прощаю, — сказал он. — Ты не виноват, что боялся. Все боятся того, чего не понимают.

Грент опустил голову и отошёл, явно не зная, что ещё сказать. Калем проводил его взглядом и поднёс кружку к губам. Эль был тёплым, терпким, с привкусом дыма. Он сделал глоток, поставил кружку на скамью и поднялся.

Ему нужно было пройтись. Праздник был слишком шумным, слишком ярким для его мыслей.

Он пошёл вдоль улицы, обходя танцующих и поющих, и свернул к дому Годрика. Там было тише. Там он мог подумать.

Но на полпути он замер.

Годрик стоял у ворот своего дома. Он только что разговаривал с кем-то — Калем видел, как тот улыбался, кивал, жестикулировал. А потом вдруг остановился. Посередине жеста, с рукой, поднятой вверх, с лицом, застывшим в улыбке, Годрик превратился в статую.

Калем замер, не веря своим глазам. Он подошёл ближе, обошёл старейшину с разных сторон. Годрик не моргал. Его глаза, открытые и пустые, смотрели в никуда. Он не дышал — по крайней мере, Калем не видел, как движется его грудь. Он просто стоял, словно манекен, словно его выключили.

— Что... — прошептал Калем. — Что с тобой?

Он дотронулся до плеча Годрика. Кожа была тёплой, живой, но старик не реагировал. И тогда перед глазами Калема всплыло системное окно:

ГОДРИК

Статус: ПРИСТУП ТИШИНЫ

Длительность: 2 минуты 17 секунд (осталось)

Калем отшатнулся. Он оглянулся на площадь — и теперь он видел. Не всех, но многих. Серафима, сидевшая у костра, застыла с поднятой кружкой. Хорн, который что-то кричал, замер с открытым ртом, словно слова застряли у него в горле. Мужчина по имени Бренн, охотник, стоял с поднятым луком, глядя в небо, как будто увидел там нечто, чего никто не замечал.

И никто, кроме Калема, не обращал на это внимания. Люди продолжали танцевать, говорить, смеяться. Они просто

обходили застывшие фигуры, как обходят деревья.

Калем побежал к ратуше. Там он нашёл Алдис, старую повитуху, которая, к счастью, была в сознании.

— Что это?! — крикнул он. — Что происходит с Годриком? С Серафимой? С ними всеми?!

Алдис посмотрела на него. В её глазах была усталость — такая глубокая, словно она видела это сотни раз.

— Это приступы тишины, — сказала она. — Они начались лет пятнадцать назад. Сначала редко, только у самых старых. Потом чаще. Теперь уже почти у всех сильных.

— Почему? — Калем сжимал кулаки, пытаясь понять. — Почему они застывают? Они же живы? Они... они умирают?

— Нет, — Алдис покачала головой. — Они не умирают. Они просто... перестают быть. На время. Мир их забывает, и они застывают, пока он не вспомнит о них снова.

— Так я это вижу. Это признак умирающего мира, Калем. Чем сильнее NPC, чем больше у него навыков, тем чаще он застывает. Мир не может поддерживать всех одновременно. Мир экономит оставшиеся ресурсы. И те, кто сильнее, кто сложнее устроен, — они страдают первыми.

Калем смотрел на неё, не в силах поверить. Он перевёл взгляд на площадь, где Годрик уже начал двигаться — медленно, словно просыпаясь ото сна.

— Но я не застываю, — тихо сказал он. — Почему я не застываю?

Алдис посмотрела на него долгим, тяжёлым взглядом.

— Потому что у тебя один навык, — сказала она. — Ты слишком прост для Системы. Слишком лёгок. Ты ей не нужен, и она не тратит на тебя силы. Или... или ты нужен ей для чего-то другого.

Калем не нашёл слов. Он просто стоял и смотрел на Годрика, который медленно опускал руку, моргал и улыбался, как будто ничего не случилось. Как будто он не был статуей всего минуту назад.

В ту ночь Калем не спал.

Он сидел на крыше кузницы, глядя на спящую деревню, и пытался осмыслить то, что увидел. Приступы тишины. Мир, который забывает своих сильных. Проклятие, которое настигает тех, кто должен быть защитниками. Он думал о Годрике, о Серафиме, о Хорне — о всех, кто застывал на празднике. И о себе.

Почему я? — думал он. — Почему я не застываю? Потому что я слаб? Потому что у меня всего один навык, F-ранг, забытый, ненужный? Или потому, что я... другой?

Он вспомнил слова Элло: «Ты — последний глаз в мире слепцов». И слова Алдис: «Ты слишком прост для Системы». Что-то в этом было неправильно. Что-то не сходилось.

Он закрыл глаза и представил себе мир. Не тот, который он знал, а тот, который был раньше. Мир, где игроки ходили по земле, где магия была сильной, где даже самые простые NPC имели по три-четыре навыка. Мир, в котором было место для всего и всех. А теперь — только пустота. Только ти-

шина.

И в этой тишине застывали лучшие.

Калем открыл глаза. На его лице было выражение, которого никто раньше не видел. Не злоба, не страх, не горечь. Решимость.

— Я не могу остаться здесь, — сказал он себе. — Я не могу смотреть, как они застывают. Как мир умирает. Я должен найти ответы. Где-то там, за пределами Горнилы, есть способ спасти их. Спасти всех. Я должен найти его.

Он спустился с крыши, прошёл в кузницу и начал собираться.

Утро было серым и холодным. Калем стоял у ворот, и за его спиной выстроились три голема. Рядовой — бронзовый, помятый, но ещё крепкий. Луч — чешуйчатый, с туго натянутой тетивой. И третий, новый, собранный из обломков рыцарских доспехов, найденных в лагере гоблинов.

Калем назвал его Щитоносцем. Он был не таким высоким, как Рядовой, зато шире, массивнее, с огромным прямоугольным щитом на левой руке и коротким мечом в правой. Броня его была тёмно-серой, с едва заметными следами копоти и крови. На груди, почти стёртый, виднелся герб — перекрещённые мечи под короной. Тот же герб, что Калем видел на значке солдата в сторожевой башне.

Он был готов. Всё, что он мог взять, было упаковано в мешок — немного еды, запасная тетива для лука, инструменты для починки големов.

— Ты уверен? — спросил Годрик, стоявший у ворот с остальными жителями. — Мы можем подождать. Может, ещё несколько месяцев, и мы найдём другой способ.

— Нет, — твёрдо сказал Калем. — Я не могу ждать, и я должен идти и всё узнать. Вы застываете. Мир застывает. Если я останусь — ничего не изменится.

Годрик опустил голову, не находя слов. Тогда вперёд вышел Торган. Его лицо было суровым, но в глазах стояли скучные слёзы. В руках он держал доспех — металлический, с кожаными вставками, искусно подогнанный к росту Калема. Рядом — короткий меч, наточенный до зеркального блеска.

— Держи, — сказал Торган, передавая сыну доспех и меч. — Я сделал это для тебя. Не для того, чтобы ты остался. Для того, чтобы ты был защищён.

Калем принял подарок. Доспех был тяжёлым, но удобным. Он надел его, застегнул кожаные ремни, и почувствовал, как металл ложится по телу, как вторая кожа.

— Пап, — начал он, но Торган прервал его.

— Я знаю, что мы тебя не отговорим, — сказал он, и голос его дрогнул. — Мне страшно за тебя, сын. Каждую ночь я буду думать о том, где ты, жив ли ты, не голоден ли, не ранен. Но я знаю, что ты должен идти. Ты должен найти ответы. И я... я горжусь тобой. Больше, чем ты можешь представить.

Калем обнял отца. Сильно, до хруста в рёбрах.

— Я вернусь, — пообещал он. — Я найду способ спасти этот мир. Я вернусь, и ты увидишь.

Торган отпустил его, и Калем шагнул к матери. Мейра стояла с мокрыми глазами, прижимая руки к груди. Она не говорила — она просто смотрела на сына, запоминая каждую черту его лица.

— Мам, — сказал Калем. — Я...

— Не говори ничего, — перебила она. — Просто пообещай мне, что ты будешь есть горячую еду. И спать под крышей. И не лезть в драку, если можно не лезть.

Калем улыбнулся сквозь слёзы.

— Обещаю, мам.

Она поцеловала его в щёку, и Калем отступил. Повернулся к големам.

— Вперёд.

Они прошли через ворота, и Калем не оборачивался. Он слышал, как мать всхлипывает, как отец что-то говорит ей, как жители шепчутся за спиной. Но он не оборачивался. Потому что знал — если обернётся, не сможет уйти.

Рядовой шёл впереди, прокладывая путь через заросли. Луч следовал по правую руку, Щитonosец — слева. Калем шагал между ними, чувствуя, как мана пульсирует в груди, связывая его с тремя конструктами.

— Я вернусь, — прошептал он ветру. — Я вернусь и спасу вас.

Первый день пути был тяжёлым. Дорога, если это можно было назвать дорогой, петляла между холмами, покрытыми колючим кустарником и пожелтевшей травой. Калем

шёл, ориентируясь на карту, которую нарисовал ему Годрик — старую, потёртую, с пометками, сделанными ещё до того, как мир начал умирать.

К вечеру он вышел на большую дорогу, и там, в колее, застряла телега. Нагруженная тюками, она сидела в грязи по самые ступицы, а рядом, ругаясь вполголоса, стоял толстый мужчина в потёртом кожаном камзоле.

— Чтоб тебя, и эта дорога, и твоя мать, и... — он осекся, увидев Калема. — А, путник! Один? С тремя... — он прищелкнул к големам и побледнел. — Боги, это что?

— Это мои големы, — спокойно ответил Калем. — Вам нужна помощь?

Торговец, которого звали Корнелиус, был родом из города Серебряные Ворота, что лежал в трёх днях пути на запад. Он вёз ткани и специи, которые надеялся продать на ярмарке, но дорога оказалась слишком разбитой, и телега застряла.

— Если поможешь, я дам тебе место в телеге и поесть, — предложил Корнелиус. — Вдвоём быстрее доедем. И, знаешь, в городе нужны люди с оружием. Хотя бы для охраны.

Калем посмотрел на телегу. Она была большой, но големы легко могли вытащить её из грязи.

— Договорились, — сказал он.

Рядовой и Щитоносец упёрлись в телегу плечами, и через несколько минут она уже стояла на твёрдой земле. Корнелиус был впечатлён — настолько, что даже предложил Калему горячий ужин. Они сидели у костра, жевали сухой хлеб с мя-

сом, и торговец рассказывал о городе.

— Серебряные Ворота, — говорил он, жуя. — Когда-то это был второй по величине город королевства. Там были рынки, гильдии, маги. А теперь... ну, ты сам увидишь. Люди исчезают. Застывают прямо на улицах. Я, правда, не застываю — у меня навыков всего два, торговля и убеждение, так что мне не грозит. А вот те, кто посильнее... они как статуи. Стоят, смотрят в никуда. Жутко.

Калем слушал и чувствовал, как внутри него нарастает тревога. Он знал, что мир умирает, но слышать это от других было тяжелее, чем видеть своими глазами.

— А игроки? — спросил он. — Вы знаете что-нибудь о них?

Корнелиус усмехнулся.

— Игроки? Старые сказки. Их нет уже сто лет, а может, и больше. Говорят, они ушли в свой мир и оставили нас здесь гнить. Но я не верю в сказки. Я верю в золото. А золота в Серебряных Воротах всё меньше, так что мне пора искать другие рынки.

Он замолчал, и Калем понял, что больше ему ничего не скажет.

Серебряные Ворота встретили их туманом и тишиной.

Город стоял на берегу широкой реки, его стены были сложены из серого камня, а ворота, когда-то окованные серебром, теперь почернели и покрылись ржавчиной. Калем вошёл внутрь, и первое, что он увидел, была площадь. Огром-

ная, пустая. На ней стояли люди.

Десятки. Сотни. Но некоторые из них застыли в самых разных позах — кто-то нёс корзину с товаром, кто-то указывал рукой на небо, кто-то сидел на ступенях, закрыв лицо ладонями. Торговцы, ремесленники, стражи, женщины, дети. Все они были живы, но не двигались. Их глаза были открыты, но пусты, словно за ними ничего не было.

— Это... — прошептал Калем.

— Приступы тишины, — сказал Корнелиус, который стоял рядом. — Здесь они повсюду. Город был сильным. Очень сильным. А сильные платят цену.

Калем пошёл между застывшими фигурами. Он касался их, пытался понять, но окна не появлялись. Система молчала, как будто не хотела признавать, что эти люди всё ещё существуют.

Он нашёл доску объявлений у ворот. Старую, деревянную, почти сгнившую. На ней висели пожелтевшие свитки, исписанные бледными чернилами. Калем пробежал глазами:

«Требуется маг для починки водопровода. Оплата: 5 золотых».

«Ищу спутников для экспедиции в Руины Спящего. Опасность высокая. Доля в находках».

«Награда за голову бандита Кривого Рейна — 50 золотых».

Всё это было старым. Очень старым. Система выдавала даты — некоторые квесты висели здесь по сто, сто пятьдесят

лет. Никто их не брал. Никто не мог их взять, ведь игроки пропали, а остальным NPC это было не интересно.

И в самом низу, на отдельном листе, написанном более свежими чернилами, было:

КВЕСТ: «Очистка старой мельницы»

Статус: АКТИВЕН

Описание: Бандиты заняли старую мельницу к югу от города. Они грабят караваны и угрожают жителям. Уничтожить всех бандитов.

Награда: 50 золотых, репутация города +20

Требования: Уровень не ниже 5

Примечание: Бандиты вооружены, действуют группой. Осторожно.

Калем снял свиток. Пятьдесят золотых. Это было много — достаточно, чтобы починить Рядового и создать ещё одного голема. И уровень у него был как раз пятый.

— Я возьму этот квест, — сказал он Корнелиусу.

Торговец посмотрел на него с удивлением.

— Ты серьёзно? Мальчик, эти бандиты — не гоблины в лесу. Они опасные, жестокие, вооружённые.

— Я справлюсь, — сказал Калем и повернулся к големам.

— Мы выступаем.

Мельница стояла на берегу мелкой реки, в полуразрушенном состоянии. Её крыша провалилась, стены были покрыты трещинами, но внутри горел свет — тусклый, жёлтый, от которого пахло дымом и жареным мясом.

Калем подошёл ближе, прячась за кустами. Он насчитал четверых бандитов — трое с мечами, один с луком. Все уровень 6–7. Опасные, но не смертельные.

— Рядовой, ты идёшь первым, — приказал Калем. — Привлекаешь внимание. Луч — прикрываешь с тыла. Щитоносец — со мной. Мы врываемся, когда они сосредоточатся на Рядовом.

Големы двинулись. Рядовой выскочил из кустов, громящая железом, и бандиты тут же обернулись. Первый, с коротким мечом, прыгнул на него, но Рядовой встретил его ударом щита. Раздался треск, и бандит отлетел к стене.

Второй, здоровенный мужик с топором, ударил сбоку. Рядовой не успел увернуться — топор вонзился в его плечо, и перед глазами Калема замигало окно:

Бронзовый голем-рядовой

Получен урон: 14 ед.

Прочность: 31/45

— Луч, огонь! — крикнул Калем.

Стрела вонзилась в плечо лучника, и тот упал, крича от боли. Третий бандит бросился на Рядового с кинжалом, но тот отбросил его ударом ноги. В этот момент ворвался Калем.

Он был не бойцом. Его навык был не для ближнего боя. Но он знал, что у него есть големы, и знал, что должен рискнуть. Он выбежал из укрытия, размахивая мечом, и бросился на бандита.

Тот обернулся, усмехнулся и замахнулся, готовясь разорвать мальчишку пополам. Но в этот момент Щитоносец встал перед Калемом. Его огромный щит принял удар, и топор застрял в металле.

— Давай! — закричал Калем, и Рядовой, развернувшись, нанёс удар в спину бандита. Тот упал, и больше не поднялся.

Остался только один — третий, с кинжалом. Он смотрел на Калема и големов с ужасом и, бросив оружие, побежал в лес.

— Не дайте ему уйти! — крикнул Калем.

Луч выстрелил, но промахнулся — бандит скрылся в зарослях. Калем выругался. Не важно. Главное — мельница была очищена.

Но в этот момент Рядовой пошатнулся. Его прочность упала до критической отметки — трещины побежали по броне, как лёд по весеннему озеру.

— Нет, — прошептал Калем. — Нет, только не...

И голем развалился. Его тело, состоявшее из ржавых пластин, разлетелось на части, как разбитая ваза. Металл с глухим звоном упал на каменистую землю, оставив после себя только кучу обломков.

Калем упал на колени, глядя на то, что осталось от его первого голема. Того самого, который он создал в сторожевой башне. Который защищал его от волков. Который был с ним с самого начала.

— Нет... — прошептал он. — Нет, ты не можешь... ты

был...

Он замолчал. Перед глазами всплыло окно:

Бронзовый голем-рядовой

Статус: РАЗРУШЕН

Причина: критический урон, превышающий прочность

Это было всё. Конец. Рядовой ушёл. И Калем понял — он остался только с Лучом и Щитоносцем. И с чувством, что мир только что отобрал у него часть его души.

Но в тот же миг всплыло второе окно:

НАВЫК «УПРАВЛЕНИЕ ГОЛЕМАМИ» ПОВЫШЕН!

Текущий уровень: 3

Открыта новая способность: создание Усиленных големов

Требуется: материал высокого качества, больше маны

Калем смотрел на окно и не верил своим глазам. Он потерял Рядового. Но навык вырос. Смерть голема дала ему опыт.

— Так вот что ты имела в виду, — прошептал он Системе.
— Смерть — это тоже опыт. Я не должен цепляться за прошлое. Я должен идти вперёд. Создавать новых. Более сильных.

Он поднялся. Встал над обломками Рядового и поклялся:

— Я не забуду тебя. Но я пойду дальше. И я создам таких големов, которые не развалятся. Таких, которые смогут спасти этот мир.

Он повернулся к Лучу и Щитоносцу.

— Мы идём дальше. У нас есть деньги, есть опыт. И у нас

есть цель. Мы найдём способ спасти мир, в котором живут все мне близкие люди. Даже если для этого придётся потерять всё.

Он ушёл с мельницы, оставив за спиной обломки своего первого голема. Но внутри него, там, где жила его решимость, что-то изменилось. Он понял, что для того, чтобы стать сильнее, нужно терять. И терять больно. Но без потерь нет роста.

Глава 5

Город Серебряные Ворота встречал Калема серым утром, пропитанным влажным туманом и запахом гниющих листьев. Он шёл по улицам, мимо застывших фигур, и его шаги гулко отдавались в тишине, нарушаемой только шелестом чешуи Луча и тяжёлым грохотом Щитоносца.

Калем чувствовал пустоту там, где раньше ощущал присутствие Рядового. Связь оборвалась, оставив после себя зияющую дыру в сознании, словно кто-то вырвал кусок его души. Он знал, что смерть голема — это опыт, что без потерь нет роста, но это знание не облегчало боль. Рядовой был его первым. Его первенцем. И теперь его не было.

Он остановился у старого колодца, набрал воды в ладони, плеснул на лицо. Холодная, с привкусом ржавчины, она немного привела его в чувства.

— Надо найти кузницу, — сказал он себе. — Починить

Луча и Щитоносца. И... найти материал для нового голема.

Он пошёл вглубь города, туда, где запах дыма становился сильнее, а воздух — горячее. Здесь, в ремесленном квартале, ещё теплилась жизнь. Несколько кузнецов работали у открытых горнов, но их движения были медленными, словно у них не было сил делать даже самое простое дело. Рядом с одной из кузниц стоял старый, покосившийся дом с вывеской, на которой почти стёрлись буквы: «Кузница Громнира. Металл. Оружие. Доспехи».

Калем толкнул дверь. Внутри было жарко — от горна шёл такой сильный жар, что Калему показалось, будто он вошёл в печь. В углу, на старом, потёртом стуле, сидел старик.

Он был стар. Очень стар. Кожа его была покрыта морщинами, как кора векового дуба, а руки — огромные, мозолистые, с пальцами, которые помнили не одно столетие работы. Вместо левого глаза у него был вставлен небольшой круглый кристалл, который тускло светился голубоватым светом. Калем знал этот свет — он был похож на свечение системных окон.

— А ты смелый, мальчик, — сказал старик, и голос его был низким, гулким, как звук колокола. — Редко кто заходит в мою кузницу. Боятся. Думают, я проклят. Или, что ещё хуже — думают, что я сумасшедший.

— Я ищу кузнеца, — сказал Калем. — Мне нужно починить големов. И... я хочу создать нового. Более сильного.

Старик поднялся со стула. Его фигура была массивной,

несмотря на возраст. Он подошёл к големам и внимательно осмотрел их. Его рука скользнула по чешуйчатой броне Луча, по щиту Щитоносца. И когда он повернулся к Калему, в его кристаллическом глазу зажглась искра интереса.

— Ты управляешь ими, — сказал он, и это был не вопрос. — Не просто создаёшь, а управляешь. Связь — ментальная. Чувствуешь их, как свои руки. Это редкость. Очень большая редкость.

— Я... я не знал, что это редкость, — признался Калем. — Я просто делаю то, что умею.

— И как называется твой навык?

— «Управление големами», F-ранг.

Старик замер. Его кристаллический глаз вспыхнул ярче, а лицо перекосилось в странной улыбке — той улыбкой, что появляется у человека, который только что нашёл что-то, чего искал всю жизнь.

— F-ранг, — тихо повторил он. — Забытый. Ты знаешь, что означает этот ранг?

— Мне говорили, — сказал Калем. — Забытый, значит очень редкий, мертвый, никому не нужный. Но я не верю, что навык мёртв. Я создал несколько големов, один погиб в бою, но я научился большему. Я вижу, как наш мир умирает, и я хочу найти способ спасти его.

Громнир, старый кузнец, склонил голову, разглядывая его. Его живой глаз — чёрный, с жёлтым зрачком — смотрел пристально, а кристаллический мерцал ровным голубым

светом.

— Ты знаешь, кто я? — спросил он.

— Вы — кузнец, — ответил Калем. — Вы — Громнир. Я читал вывеску.

Старик хрипло рассмеялся, и смех этот звучал как скрежет ржавого механизма.

— Меня зовут Громнир. Я был придворным кузнецом у трёх королей. Я ковал оружие для героев, для рыцарей, для магов. И я помню их. Я помню игроков.

Калем почувствовал, как сердце забилося быстрее. Это был тот самый человек, который мог дать ему ответы.

— Вы их помните? — спросил он. — Кто они такие? Откуда пришли? Куда ушли?

— Игроки... — Громнир сел обратно на стул, и его голос стал тише. — Я помню их, как помню своё имя. Я работал на них, когда они проходили через Серебряные Ворота. Они заказывали мечи, доспехи, артефакты. Они платили золотом, которое не имело цены. И они смеялись. Всегда смеялись, даже когда умирали. Потому что для них смерть была не концом, а просто... возвращением.

— Возвращением?

— В их мир, — Громнир поднял голову, и его кристаллический глаз вспыхнул. — Они уходили, умирали, а потом возвращались. Через день, через час, через минуту. Снова живые, снова целые, снова готовые к бою. Мы, NPC, мы не можем так. Мы умираем один раз. И это делает нас... мень-

ше. Слабее.

Калем смотрел на старого кузнеца и чувствовал, как земля уходит у него из-под ног. Он знал, что игроки были сильными, но он не знал, что они были бессмертными.

— И что случилось? — спросил он. — Почему они ушли?

— Они не ушли, — ответил Громнир. — Они просто перестали появляться. Как будто кто-то отключил их мир от нашего. Я не знаю почему. Я помню тот день, когда в последний раз стоял у ворот и ждал. Но в наш мир никто больше не пришёл.

Он замолчал. Тишина в кузнице стала густой, почти осязаемой. Калем чувствовал тяжесть этих слов — словно они давили на плечи, напоминая о масштабе потери.

— Но я верю, — сказал Громнир, поднимаясь снова. — Я верю, что однажды они вернутся. Или кто-то вернётся за ними. Или, может быть, появится тот, кто сможет заменить их.

Он посмотрел на Калема. В его взгляде было что-то, что Калем не мог до конца понять. Смесь надежды и отчаяния, сплавленная вместе, как сталь.

— Твой навык, — сказал Громнир. — «Управление големами». F-ранг. Я знаю этот ранг. Я знаю, почему он был забыт. Потому что в эпоху игроков им никто не пользовался. Слишком слабый, слишком медленный, слишком бесполезный, если сравнивать с их быстрыми умениями. Но мир изменился. И то, что было слабым, может стать сильным.

— Я хочу стать сильнее, — твёрдо сказал Калем. — Я хочу создать големов, которые не развалятся. Которые смогут защищать. Которые смогут спасти этот мир.

Громнир улыбнулся. Впервые за всю их беседу он улыбнулся искренне.

— Тогда я покажу тебе кое-что, — сказал он.

— Я давно ждал такого как ты.

Он подошёл к дальнему стеллажу, сдвинул несколько ящиков и открыл небольшую нишу. Оттуда он достал древний свиток, пожелтевший от времени, с обгоревшими краями.

— Это рецепт, — сказал он. — Рецепт сплава, который называется «Сталь возрождения». Её ковали в эпоху игровых, но секрет был утерян. Или почти утерян. Я знаю его. Я хранил его все эти годы, потому что ждал того, кто сможет использовать его.

Он развернул свиток, и Калем увидел сложные схемы, руны и текст, написанный на древнем языке.

— Сталь возрождения, — продолжил Громнир, — это не просто металл. Это сплав, который помнит. Он адаптируется к владельцу, становится частью его. Если ты создашь голема из этой стали, он будет сильнее, быстрее, прочнее. Он сможет расти вместе с тобой.

Калем смотрел на свиток и не верил своим глазам. Это было то, что он искал. Материал, который изменит всё.

— Что мне нужно сделать? — спросил он.

— Три компонента, — сказал Громнир. — Три редких компонента, которые находятся в опасных местах. Первый — «Слеза замерзшего огня». Она находится в ледяных пещерах к северу от города. Второй — «Пепел живого пламени». Он хранится в башне некроманта. Третий — «Кровь павшего чемпиона». Её можно найти на старой арене, где когда-то сражались игроки.

Калем почувствовал, как его мана запульсировала в ответ на эти слова.

— Начну с первого, — сказал он.

В этот момент перед его глазами вспыхнуло системное окно. Оно было необычным — не голубым, как обычно, а золотым, с мерцающими рунами по краям.

ПОЛУЧЕН КВЕСТ: «Поиск компонентов для Стали возрождения»

Тип: Эпический

Этап 1/3: «Слеза замерзшего огня»

Описание: Найдите Слезу замерзшего огня в ледяных пещерах к северу от Серебряных Ворот.

Опасность: Высокая

Награда: 2000 опыта, компонент, доступ к следующему этапу

Примечание: Данный квест предназначен для игроков. NPC не рекомендуется брать его.

Калем прочитал сообщение, и холодок пробежал по его спине. «Для игроков». Он знал, что система считала его

НРС. Но он также знал, что она дала ему этот квест. Значит, она считала, что он способен справиться.

— Я приму его, — сказал он вслух.

Система мигнула и исчезла. Громнир кивнул, как будто ожидал этого ответа.

— Возьми с собой големов, — сказал он. — В пещерах водятся ледяные волки. Они сильнее обычных, быстрее, злее. И у них есть вожак — альфа-самец. Он носит Слезу в своей груди. Убей его, и получишь компонент.

Калем кивнул. Он повернулся к Лучу и Щитоносцу.

— Мы идём, — сказал он. — На север.

Ледяные пещеры находились в трёх часах хода к северу от города. Дорога шла через заснеженную равнину, где ветер был так сильно, что казалось, он может сбить с ног. Калем шёл, согнувшись, укрываясь за массивным телом Щитоносца. Луч двигался рядом, его чешуйчатая броня покрылась инеем.

Вход в пещеру был похож на пасть гигантского зверя. Лёд покрывал стены, свисая с потолка острыми сосульками, и внутри было так холодно, что каждый вздох превращался в облачко пара.

Калем остановился на мгновение, вглядываясь в темноту.

— Не нравится мне это место, — сказал он Лучу. — Но выбора нет.

Он шагнул вперёд, и пещера поглотила его.

Внутри было темно. Только слабый свет, проникающий

снаружи, освещал первые несколько метров. Калем достал из мешка небольшой кристалл — подарок Громнира. Он был заряжен магией и излучал тёплое свечение, разгоняя тьму.

Они прошли около ста метров, когда Калем услышал звук. Тихий, похожий на скрежет камня о камень. Он замер, прислушиваясь.

— Он слышит. — сказал он шёпотом.

Из темноты вышли они. Волки. Но не те, что он видел в лесах Горнила. Эти были другими — их шерсть была белой, как свежавыпавший снег, и покрыта тонким слоем инея. Из пасти вырывался пар, а глаза горели холодным, ледяным огнём.

Калем быстро активировал системное окно:

Ледяной волк

Уровень: 12

Здоровье: 65/65

Тип: Ледяной мутант

Опасность: Высокая

Калем сглотнул. Двенадцатый уровень. Это было в два раза больше его собственного. И их было трое.

— Отступаем, — сказал он големам. — Медленно. Не делайте резких движений.

Они пошли назад, но волки последовали за ними. Они не атаковали, но не давали разорвать дистанцию. Калем чувствовал, как они оценивают его, ищут слабое место.

И тогда он понял — они не отступят. Им нужно сражаться.

— Щитоносец, впереди! — скомандовал он. — Блокируй проход! Луч, на высоту!

Големы повиновались. Щитоносец выдвинулся вперёд, поднял свой массивный щит и встал в узком проходе, перекрывая путь волкам. Луч мгновенно отскочил к стене, и Калем услышал звук натягиваемой тетивы. Калем отступил к стене пещеры, наблюдая за первым ударом.

Первый волк, самый крупный, прыгнул на Щитоносца. Его когти царапнули по щиту, оставляя белые царапины на металле. Послышался противный скрежет.

— Луч, стреляй!

Стрела просвистела в воздухе. Но волк, словно предчувствуя удар, отпрыгнул в сторону, и стрела вонзилась в лёд, отколов кусок.

— Чёрт, — прошептал Калем.

Второй волк, не теряя времени, рванул вперёд, пытаясь обойти Щитоносца сбоку. Калем заметил это движение и мысленно отдал приказ — Щитоносец развернулся и нанёс удар мечом. Металл встретился с плотью, и волк взвизгнул, откатываясь.

— Сработало! — Калем выдохнул. — Луч, повтори!

Но третий волк — более быстрый и хитрый — бросился вперёд и вцепился в колено Щитоносца. Металл закрипел, и перед глазами Калема замигало окно:

Щитоносец

Получен урон: 12 ед.

Прочность: 88/100

— Убирайся! — крикнул Калем, и голем сделал шаг вперёд, наступая на волка. Послышался хруст — кости ломались под тяжестью металла. Волк взвыл, но не отпустил.

Луч послал ещё две стрелы. Одна попала в бок первого волка, вторая — в плечо второго. Волки завывали, но не отступали. Они стояли, готовясь к новой атаке.

Калем чувствовал, как мана уходит из него, связывая его с големами. Он управлял каждым движением Щитоносца, каждым выстрелом Луча. Это было изнурительно — его разум был перегружен.

Он знал — так не пойдёт. Нужно было менять тактику.

— Щитоносец, встань в проходе! — приказал он. — Луч, уходи вглубь. Я приманю их.

И он вышел из-за спины голема. Волки сразу заметили его. Их взгляды метнулись к Калему, и они, бросив Щитоносца, рванули к нему. Они узнали слабого — человека.

Калем побежал. Он знал, что не сможет обогнать волков, но у него был план. Он бежал в узкий коридор, где стены сходились почти вплотную. Он слышал, как волки дышат ему в спину, как их лапы стучат по льду.

И тогда он нырнул в сторону, в небольшой закуток.

Волки, не успевшие среагировать, влетели в тупик. Там, где стены были слишком узкими, чтобы они могли развернуться. И в этот момент Щитоносец, подоспевший сзади, перекрыл выход.

— Теперь вы в ловушке, — сказал Калем.

Следующие минуты были жестокими. Щитоносец, зайдя сзади, наносил удар за ударом, не давая волкам вырваться. Они пытались царапать, пытались кусать, но их движения были скованы — стены мешали им. А Луч методично, один за другим, выпускал стрелы.

Сначала пал первый волк, получив три стрелы в бок. Затем второй — он попытался прыгнуть через Калема, но Щитоносец снёс его ударом щита и добил мечом.

Остался только альфа. Он стоял чуть в стороне, скаля зубы, и его глаза горели холодным, злобным светом. Он был крупнее остальных, выше, мощнее. Его шерсть была покрыта инаем, а на груди — прямо над сердцем — Калем увидел едва заметное свечение. Голубоватое, как у системных окон. Слеза.

— Сейчас мы закончим, — сказал Калем.

Альфа прыгнул. Он был быстрее, чем Калем мог себе представить — его прыжок был почти мгновенным. Калем не успел бы увернуться, но Щитоносец среагировал.

Он шагнул вперёд и принял удар на себя. Альфа вцепился в щит, пытаясь разорвать его, но Щитоносец держался.

— Луч, сейчас! — крикнул Калем.

Стрела вонзилась в бок альфы. Он взвыл, но не отпустил щит. Вторая, третья.

Альфа слабел, его движения становились медленнее, но он держался. И тогда Калем сделал то, чего не делал никогда.

Он выбежал из укрытия и, размахнувшись, вонзил меч в глаз альфы. Меч отца — короткий, острый, тот самый, который подарил ему Торган. Он вошёл мягко, почти без сопротивления.

Альфа замер на секунду, а затем рухнул на лёд.

Калем стоял над его телом, тяжело дыша. Его руки дрожали, мана была почти на нуле. Но он сделал это.

И тогда из груди альфы, медленно, как будто просыпаясь, вытекла капля. Она была прозрачной, но внутри неё горел огонь — странный, ледяной, пульсирующий. Она упала в ладонь Калема и застыла, превратившись в камень.

ПОЛУЧЕН КОМПОНЕНТ: «Слеза замерзшего огня»

Тип: Редкий ингредиент

Эффект: Компонент для создания сплава «Сталь возрождения»

Калем сжал камень в кулаке. Он был холодным, но внутри него чувствовалось тепло. Это была победа. Первая из трёх.

Когда Калем вернулся в кузницу, он чувствовал себя так, как будто его выжали досуха. Он упал на стул, опустил голову и закрыл глаза.

— Я принёс его, — сказал он, протягивая Громниру камень.

Старый кузнец взял Слезу, осмотрел её, и одобрительно кивнул.

— Ты сделал это, мальчик, — сказал он. — Ты справился с тем, с чем не справлялись многие.

— Мои големы... — начал Калем. — Они сражались хорошо. Но я заметил кое-что странное. Иногда они двигаются сами. Без моей команды. Щитоносец, когда я уходил вглубь, он... он сам пошёл за мной. Он понял, что я хочу сделать, ещё до того, как я сказал.

Громнир нахмурился, подошёл к Щитоносцу и внимательно осмотрел его. Его рука скользнула по броне, по шарнирам.

— Ты прав, — сказал он. — Они начинают проявлять самостоятельность. Это редкость, Калем. Очень большая редкость.

— Но почему? — спросил Калем. — Это из-за моего на-
выка?

— Не совсем, — Громнир сел напротив него. — Твой навык растёт. Каждый раз, когда ты создаёшь голема, когда ты сражаешься, когда ты теряешь — ты становишься сильнее. Но есть ещё кое-что.

— Что?

— Твой Интеллект. У тебя высокий Интеллект для твоего уровня. Ты вложил все очки в него. И этот Интеллект влияет на големов. Чем выше твой Интеллект, тем больше осознанности получают твои конструкторы. Они не становятся разумными, нет. Но они начинают чувствовать. Понимать. Предугадывать.

Калем посмотрел на своих големов. Луч стоял неподвижно, но Калем чувствовал, как он ждёт, как наблюдает. Щи-

тоносец же... он смотрел на Калема. Прямо в глаза. И в этом взгляде было что-то, что заставило сердце Калема биться быстрее.

— Это называется псевдо-разум, — продолжил Громнир. — Они не станут личностями, но они станут лучше. Быстрее. Умнее. Они начнут предугадывать твои желания. И если ты продолжишь расти, если твой навык будет повышаться, они могут стать... чем-то большим.

— Чем-то большим? — переспросил Калем. — Что это значит?

Громнир пожал плечами.

— Никто не знает, мальчик. Ты единственный за долгое время, у кого есть этот навык. Ты единственный, кто идёт этим путём. Возможно, ты откроешь то, чего не знал никто. Возможно, ты создашь не просто големов. Возможно, ты создашь... друзей.

Калем замер. Друзей. Это слово звучало странно, но в нём было что-то тёплое. Что-то, что он хотел почувствовать.

— Я вернусь, — сказал он, поднимаясь. — Я найду остальные компоненты. И тогда мы создадим Сталь возрождения.

Он вышел из кузницы, и его шаги эхом отдавались в пустых улицах города. Луч и Щитоносец шли за ним.

Глава 6

Город Серебряные Ворота растворился в тумане, как призрак, которому наконец-то позволили уйти. Калем шёл по старой дороге, если эту вытоптанную звериными тропами колею можно было назвать дорогой, и чувствовал, как мир за спиной обретает иное качество. Не просто опустошение — тишину. Ту самую, перед которой бояться не только дети, но и старики, знающие, что в тишине рождается не покой, а ожидание.

Лес сомкнулся над головой, и солнце, едва пробивавшееся сквозь свинцовые тучи, окончательно сдалось. Деревья стояли, словно отбившиеся от армии солдаты, выстроенные в бессмысленный строй. Их стволы были искривлены спиралями, коры — чёрные, мокрые, словно пропитанные смолой. Но самое жуткое — наросты. Грубые, бугристые выпуклости на коре, которые в полумраке казались лицами. Не просто похожи — они смотрели. Следили за каждым шагом путника, за каждым движением его големов.

Калем старался не встречаться взглядом с этими деревянными масками, но зрение, обострённое годами чтения системных подсказок, цеплялось за детали само по себе.

Древо скорби

Возраст: не определён

Состояние: Мутация (сильн).

Примечание: Не рекомендуется вести зрительный контакт дольше 5 секунд

— Чудесно, — буркнул он себе под нос, отводя глаза. —

Ещё немного, и я начну считать их родственниками Урты. Помнится, она тоже умела так смотреть — словно в душу, но только чтобы найти там грязное бельё.

Луч шёл впереди, его чешуйчатая броня, покрытая тонким слоем дорожной пыли, едва шелестела при движении. Голем-лучник двигался плавно, почти кошачьей походкой, которую Калем вложил в него, экспериментируя с суставами в кузнице отца. Щитоносец, напротив, громыхал. Каждый его шаг был ударом по мёртвой тишине леса, и Калем то и дело оборачивался, боясь, что этот грохот разбудит что-то, чего лучше бы не будить.

— Ты бы потише, — шепнул он Щитоносцу. — Мы же не на ярмарку идём. Хотя, признаться, ярмарка сейчас показалась бы мне раем. Даже с Уртой в главной роли.

Щитоносец не ответил. Он не мог ответить. Но Калем заметил, что голем слегка изменил походку — стал ставить ноги мягче, перенося вес с пятки на носок. Псевдо-разум. Громнир называл это так. Крошечная искра понимания, которая не должна была гореть в металле, но горела.

— Вот видишь, — Калем улыбнулся, хотя улыбка вышла кривой. — Ты уже учишься. Ещё немного, и сам начнёшь ругаться, когда наступишь в лужу.

Луч остановился. Резко, без предупреждения, словно наткнувшись на невидимую стену. Его голова, закованная в открытый шлем, повернулась вправо. Калем замер, рука инстинктивно легла на эфес меча отца.

— Что? — прошептал он. — Что ты видишь?

Луч не двигался. Он смотрел в густые заросли, где среди чёрных стволов мелькнуло что-то белое. Не светлый камень. Что-то... движущееся. Калем напряг зрение, и тогда увидел:
???

Статус: Неопознанный

Уровень: ???

Примечание: Объект скрыт системной тенью

— Системная тень? — Калем нахмурился. — Что за...

Белое пятно исчезло, растворившись между деревьями. Не убежало — именно растворилось, словно его стёрли с полотна мира ластиком. Калем почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он не знал, что такое "системная тень", но интуиция, выкованная годами насмешек и выживания, кричала: не лезь.

— Идём дальше, — скомандовал он, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — Быстро. Не оглядываясь.

Они шли ещё два часа. Лес редел, деревья становились ниже, искривлённые, словно старики, согнувшиеся под тяжестью веков. Под ногами хрустел не снег — сухой, серый налёт, похожий на пепел. Запах изменился: если раньше лес пах гнилью и смолой, то теперь повеяло чем-то иным. Химическим. Запахом перегретой магии, разряженной атмосферы перед бурей.

И тогда лес кончился.

Не постепенно, не перешёл в поляну — он просто обо-

рвался, словно кто-то провёл ножницами по полотну природы. Перед Калемом открылась поляна, и посреди неё, словно гигантский чёрный клык, вонзённый в землю Эраты, стояла она.

Башня Некроманта.

Калем замер на опушке, затаив дыхание. Он видел сторожевую башню в лесу, где нашёл Бронзового Рядового. Он видел руины замков, о которых рассказывал Элло. Но это было иное. Это не сооружение. Это было чудовище, замаскировавшееся под камень.

Башня уходила ввысь, теряя вершину в низкой, тяжёлой облачности. Стены, сложенные из чёрного камня, не отражали свет — они его пожирали. Калем заметил, как лучи серого солнца касались поверхности и умирали, не оставляя бликов. Мох, покрывавший камни, был не зелёным — он был цвета гниющей плоти, фиолетово-чёрным, и пульсировал, словно дышал.

Окна — узкие, стрельчатые, как глаза хищной птицы — были забиты не стеклом и не досками. Их заливала тёмно-коричневая масса, похожая на засохшую кровь. Входная дверь, массивная, обитая ржавым железом, висела на одной петле. Вторая петля была вырвана, и от двери осталась зияющая чернота, напоминающая пасть.

А вокруг — цветы.

Чёрные. С лепестками, похожими на бархат, но не мёртвым — живым. Они тихо пульсировали, и с каждым пульсом

из них выделялось слабое фосфоресцирующее свечение, зеленоватое, тошнотворное. В такт этому свечению что-то стучало. Не громко — как сердце, спрятанное под землёй.

Башня забытого мага

Тип: Подземелье Элитное

Рекомендуемый уровень: 15

Ваш текущий уровень: 8

Рекомендация: НЕ ВХОДИТЬ

Калем читал окно, и губы его невольно искривились в усмешке.

— Не входить, — процитировал он. — Отличный совет. Жаль, что мне за него никто не заплатит. А если бы и заплатил — всё равно бы вошёл. Потому что вариантов нет.

Он открыл свой статус, словно проверяя, не изменилось ли что-то за время пути:

Калем

Уровень: 8

Класс: Не определён

Здоровье: 45/45

Мана: 32/32

Сила: 6

Ловкость: 5

Выносливость: 8

Интеллект: 17

Мудрость: 4

Удача: 3

Тридцать две единицы маны. Когда-то, в деревне, это казалось невозможным богатством. Сейчас, глядя на башню, он понимал — это капля. Крошечная, ничтожная капля в море тьмы, которое перед ним.

— Семь уровней разницы, — пробормотал он. — Семь. Это как если бы я, будучи первым, полез драться с Грентом, которому четырнадцать. Хотя, если вспомнить, Грент и в четырнадцать был трусом. А эта штука... она не боится. Она ждёт.

Луч подошёл ближе. Он стоял рядом с Калемом, его чешуйчатая броня слегка трепетала на ветру. И тогда, впервые за всё время, голем сделал нечто, отчего у Калема перехватило дыхание.

Луч поднял руку. Медленно, осторожно, словно боясь, что движение окажется ошибкой. И положил её на плечо Калема. Металл был холодным, тяжёлым. Но жест был... человеческим. Словно голем хотел сказать: я здесь.

— Спасибо, — выдохнул Калем. — Я знаю. Мы справимся. Вместе.

Он глубоко вдохнул воздух, пропитанный запахом магии и гнили, и посмотрел на Щитоносца. Тот стоял неподвижно, его массивный щит отбрасывал тень, в которой мог бы укрыться человек.

— Луч, — сказал Калем, и голос его стал твёрдым, командным. — Ты остаёшься здесь. У входа. Если я не выйду через три часа... — он помедлил, подбирая слова, — ...иди в

город. К Громниру. Увидев тебя одного, он всё поймёт.

Луч наклонил голову. Жест был крошечным, едва заметным, но в нём читалось непонимание. Или, может быть, протест. Калем увидел это и покачал головой.

— Не спорь. Ты — мой лучший стрелок, но внутри там тесно. Для тебя нет высоты, нет укрытий. А без этого ты обречён. А я... я не могу потерять тебя. Не могу потерять ещё одного. Понимаешь?

Луч замер. Потом, медленно, опустил голову. Словно кивнул. Словно принял.

— Хороший мальчик, — прошептал Калем, и в горле у него комком встала странная тоска. — Жди меня.

Он повернулся к Щитоносцу.

— Ты идёшь со мной. Но не как бойцовое копье. Ты — мои глаза и мой щит. Идёшь впереди. Проверяешь каждый угол, каждую дверь. Если увидишь врага — не бросайся. Вернись. Доложи. Мы действуем вместе. Ясно?

Щитоносец сделал шаг вперёд. Тяжёлый, гулкий. И замер, готовый.

— Вперёд, — сказал Калем, и они вошли в пасть башни.

Внутри было не просто темно. Тьма здесь обладала плотностью. Она липла к коже, заползала под доспехи, пробиралась в лёгкие с каждым вдохом. Калем достал кристалл, который дал ему Громнир — небольшой, тёплый, излучающий мягкий жёлтый свет. Лучик света вскрыл пространство, и Калем увидел стены.

Они были испещрены символами. Не рунами, не письмами — символами. Завитками, спиралями, узорами, которые, казалось, двигались краем зрения. Когда Калем смотрел прямо — они были неподвижны. Когда отводил глаза — они ползли, меняли форму, переплетались новыми узорами.

Защитные печати (древние)

Статус: Деграция 78%

Эффект: Подавление маны (слабое)

— Подавление маны, — пробормотал Калем, чувствуя, как в груди лёгкое сжатие. — Отлично. Как будто мне мало было проблем. Ещё и стены против меня.

Щитоносец шёл впереди. Его массивная фигура едва помещалась в узком коридоре. Пол был покрыт слоем чего-то скользкого — пыли, или, может быть, высохшей крови. Каждый шаг Щитоносца сопровождался тягучим скрипом.

Первый зал открылся неожиданно. Коридор резко расширился, и они вышли в круглое помещение со сводчатым потолком. Кристалл Калема осветил росписи — сцены битв, ритуалов, человеческие фигуры, преклонившие колени перед тенью, не имеющей лица. В центре зала стоял алтарь. Чёрный камень, покрытый тёмными пятнами, которые даже при слабом свете выглядели свежими.

И вокруг алтаря — они.

Призраки.

Их было пятеро. Полупрозрачные фигуры в рваных мантиях, с размытыми чертами лиц, но с глазами — яркими,

тусклыми, горящими синим светом. Они парили над камнем, двигаясь по кругу, словно выполняя древний танец, который не забыли даже смертью.

Призрак умершего мага

Уровень: 14

Здоровье: 50/50

Особенность: Неуязвимость к физическому урону

Навык: Высасывание маны (контактный)

Калем замер у входа, прижавшись к холодной стене. Сердце колотилось так, что, казалось, отдаётся эхом по всему залу.

— Неуязвимость к физическому урону, — он прочитал окно шёпотом, и слова обожгли губы. — Значит, меч бесполезен. Твой меч бесполезен. Мои руки — бесполезны. А мана... мана у них как у пиявок.

Щитonosец стоял рядом, его массивный щит поднят. Но Калем видел, что голем напряжён. Не так, как перед боем с гоблином или волком. Иначе. Словно он тоже чувствовал опасность — не физическую, но существующую.

— Назад, — прошептал Калем. — Тихо. Не дыши. Даже если ты не дышишь.

Они отступили в коридор. Призраки не последовали за ними — они продолжали свой круговой танец, погружённые в вечность. Калем выдохнул, только когда дверь зала скрылась за поворотом.

— Ладно, — он опёрся о стену, закрыв глаза. — Значит,

прямой путь — смерть. Нужен другой. Вверх. Всегда вверх. Громнир говорил, что компонент на верхнем этаже. Значит, идём вверх. Обходим. Прячемся.

Они нашли лестницу. Витую, каменную, уходящую в темноту. Ступени были стёрты, в некоторых местах провалены, и Щитоносец, тяжёлый и массивный, проходил с трудом, цепляясь за стены.

Второй этаж. Коридор, похожий на первый, но уже без алтаря. Три двери. За первой — пустота. За второй — пустота. За третьей...

Призрак. Один. Сидящий на полу, словно спящий. Его глаза были закрыты, но Калем знал — стоит шуметь, и они откроются.

— Назад, — выдохнул он на одном дыхании.

Третий этаж. Здесь лестница была сломана посередине. Щитоносец, не раздумывая, встал на колени, сложил ладони лестницей, и Калем по ним взобрался наверх. Голем потом подтянулся сам, цепляясь за выступ.

— Спасибо, — сказал Калем, отряхивая доспехи. — Когда вернёмся, я смастерю тебе новый щит. С золотой каймой. Или, по крайней мере, с ромашкой. Ты заслужил.

Четвёртый этаж. Зал с книжными шкафами, пустыми. Пыль столетий лежала толстым слоем, и следов на полу не было — никто не ходил здесь сотни лет. Калем нашёл закуток за опрокинутым шкафом. Он присел, отдышался, и посмотрел на Щитоносца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.